

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

Пес

Москва, 2017

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

Диалогия
в одном
томе

• Страж •
• Боец •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 2005 году
Выпуск 158

Художник
С. А. Григорьев

Калбазов К. Г.
К17 Пес: Страж; Боец. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»,
2017. — 633 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2511-2

Королевская корона на достойном челе — это блеск славы, лавры и почести. Процветание королевства, благосостояние народа и гордость за свою отчизну. Но даже величайший гений не настолько всемогущ, чтобы нести в одиночку тяжкое бремя власти. Поэтому он разделяет ее со своими сподвижниками и единомышленниками, представляющими короля с открытым лицом и высоко поднятой головой.

Но любая власть подобна айсбергу, возвышающемуся над водной гладью величественным белым исполином, скрывая в глубине две трети своего истинного размера. И чем глубже воды, тем они становятся непроницаемой для солнечного света и человеческого взора. Еще немного, и тело исполина окутывает непроглядная мгла.

Пес. Его судьба быть в тени и хранить тайны королевства. Вести скрытую войну, не прекращающуюся ни на мгновение. Ему не дано сражаться в едином строю с другими рыцарями. Его удел бить в спину. Но он готов платить эту цену, потому что первым в его сердце всегда был и останется Несвиж. Его Родина, его дом, его судьба.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2511-2

© Калбазов К. Г., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

• Страж •

Глава 1

СЭР ЖЕРАР, БАРОН ГАТИНЕ

Гх-ха, гх-ха, гх-ха!

На этот раз приступ кашля был особенно сильным. Казалось, мужчину, лежащего на широкой постели с балдахином, сейчас вывернет наизнанку или как минимум он начнет выплевывать свои легкие. Однако, несмотря на тяжелое состояние больного, мучительный кашель все же прекратился и ни одно из предположений так и не оправдалось. Мужчина с облегчением откинулся на подушки, подоткнутые таким образом, чтобы он мог сохранять хотя бы подобие сидячего положения. Рука с зажатым в ней платком безвольно упала на одеяло, и тут стало заметно, что совсем уж бесследно приступ кашля не прошел. На белой тряпице отчетливо виднелось розовое пятно, и не было никаких сомнений в его происхождении.

Сухонький старичок, все еще сохраняющий осанку и вполне крепкий, тут же приблизился к больному. С абсолютно непроницаемым лицом забрал из разжавшейся ладони страдальца испачканный платок, а вместо него положил свежий, выстиранный и выглаженный заботливыми руками. Вот так сразу и не поймешь, как старик относится к происходящему. Но это только поначалу: стоит повнимательнее присмотреться — и в глазах можно будет безошибочно прочесть боль и страдание, разъедающие его изнутри. Нет, не безразлична ему судьба больного, хотя по почтительному отношению точно ясно, что между ними пропасть.

Но возможно ли такое, если один из них — слуга, а другой — господин? Возможно, если ты присматриваешь за ребенком с младенчества и он растет на твоих глазах. Вот он мальчик, а вот уже юноша, который стремительно превращается в молодого человека, полного душевных и физических сил. И наконец настает момент, когда ты с затаенным страхом провожаешь его в первый поход. Он воодушевлен в предвкушении новых приключений и ощущений, а ты не можешь на это смотреть спокойно: там, куда отправляется воспитанник, много опасностей. Тебе давно уже не безразличен этот ветреный мальчишка, каковым он для тебя остался и по сей день.

Проходят годы. Ты превращаешься в старика, а тот, в кого ты вложил всю душу, превращается в статного сильного мужчину. Но он тебе все так же дорог, и ты не можешь взирать на него просто как на сюзерена. И вдруг случается такое, что ты со всем грузом своих лет остаешься на ногах, а мужчину в расцвете сил внезапно подкашивает болезнь. Ну и какими глазами взирать на то безобразие, которое устраивает капризная и своенравная судьба?

— Спасибо, Бернард, — тяжело дыша, поблагодарил больной. Бросив внимательный взгляд на старого слугу, ободряюще улыбнулся: — Выше нос, старина. Я еще жив.

С каждым словом речь больного становится все тверже. Хотя голос дрожит и заметна хрипотца, но уже окончательно ясно — приступ миновал. Теперь у мужчины есть передышка часа в два... До следующего приступа мучительного выворачивающего кашля. Но проводить время в ожидании больной не собирается. Большую часть жизни он провел в беспрестанных заботах, трудах и походах, безделье загнало бы его в гроб быстрее болезни.

— Бернард, позови лекаря.

— В этом нет необходимости, ваше величество, — раздался молодой и сильный голос из угла большой спальни.

Больной посмотрел в ту сторону, где находился лекарь, и его взгляд остановился на мужчине среднего сложения, лет тридцати на вид. Однако внешность обманчива. Этому мужчине сейчас гораздо больше лет, чем Бернарду, эдак раза в два, и до старости ему еще ой как далеко. Лекарь. Скорее уж колдун. Но колдун полезный, уже не одно поколение служит королевскому дому Несвижа. Впрочем, служит — слишком громко сказано. Эти колдуны — вообще своеобразный народ. Они живут сами по себе, выбирая спутников жизни по мотивам и критериям, понятным им одним. Вот и учитель этого колдуна когда-то выбрал прапрапрародителя ныне восседающего на престоле Георга Третьего, барона Авене, Вассенберга, Кастро, Комона, графа Гиннегау, Хемрода, короля Несвижа. Скажем так, он является другом и спутником королевского дома, который некогда выбрал себе его учитель, ныне покойный. Колдуны жили значительно дольше обычных людей, но вовсе не были бессмертными. Впрочем, убить кого-то из них — не столь уж простое занятие. Сами они предпочитали называть себя мастерами. Но их все по привычке называли лекарями.

Когда-то, несколько сотен лет назад, церковь начала забирать слишком много власти в свои руки. Церковники хотели объявить поход на лекарей-колдунов, но вынуждены были отступить. Эта братия оказалась не так проста: понимая, что в одиночку им не выстоять, колдуны начали прибиваться к различным владетелям, которые могли бы их защитить, а вернее, совместно с которыми им удалось бы это сделать. Эти люди (или и не люди вовсе) оказались очень полезными. Используя с умом их способности, можно было достигнуть многого, что сумели оценить при всех дворах.

Точнее говоря, это понимание пришло постепенно. Поэтому властители, сумевшие разглядеть выгоду раньше остальных, получили рядом с собой лучшего лекаря. Правда,

тут немало зависело и от личной симпатии приглашаемого ко двору. Наличие сильного государства никак не гарантировало наличие сильного лекаря при дворе. Например, самый признанный из светлых мастеров находился при дворе графства Бефсан, и никакая сила не могла его подвигнуть изменить своему выбору.

Были и темные мастера. Это те, кто предпочел остаться полностью независимым. Темными они прозывались вовсе не из-за того, что служили каким-то темным силам. Все гораздо проще. Они всегда находились в тени, в самом темном углу, не гнушались темными делишками, по причине чего имели весьма ограниченную клиентуру, а за услуги брали очень дорого, и не всегда их можно было покрыть золотом. Порой в оплату требовалось доставить нечто редкое, необходимое для работы мастера.

Мастера постоянно совершенствовались, постигая все новые знания. Обычно мастер брал себе одного ученика, крайне редко — двоих. На то существовало три причины. Во-первых, не так уж много среди людей тех, кто обладает даром, чтобы стать мастером. Во-вторых, беря себе ученика, мастер фактически усыновляет его: им предстоит прожить вместе долгие-долгие годы, а значит, нужна родственная душа. И наконец, в-третьих, избранный должен желать учиться, получать от этого удовольствие и быть готовым посвятить свою жизнь лишь этому ремеслу. Каждая из трех причин — уже серьезное препятствие само по себе, а в совокупности...

— Что же ты прячешься в углу, словно темный мастер, и спокойно зришь на то, как я тут издыхаю? — горько улыбнулся страдающий от болезни король.

— Вам известно, ваше величество, что помочь я вам пока не могу. Мне по силам только облегчить ваши страдания. Но я уже объяснял, почему не следует этого делать.

— Я помню. Проклятие. Сколько мне еще осталось?

— Вам известен ответ на этот вопрос. Но коли уж вам хочется услышать еще раз, то...

— Три месяца, — устало вздохнул больной. — Всего лишь три месяца.

— Или много больше. Если удастся выйти на след того темного, что наслал на вас порчу.

— Поди еще найди его.

— Я уже говорил барону Гатине, что следует искать тех, кому это выгодно, а через них выходить на колдуна.

— На этот вопрос ответить проще простого. Выгоднее всего это моему брату, королю Памфии. Ему пришлось не по вкусу, как я сумел надрать ему задницу и отобрать графство Хемрод.

— Но, возможно, враг куда ближе. Среди влиятельных дворян Несвижа.

— Нет, тут точно торчат уши Джона. Другое дело, что это знание ничуть не поможет нам, ведь нужен именно тот, кто наслал порчу, а его-то мы и не знаем.

— Значит, нам нужен тот, кто при Джоне занимается тем же, что и Жерар при вас.

— Бедолага погиб. Несчастный случай на охоте.

— Вот как, — вскинул брови лекарь.

— Именно так. Джон не мальчик в интригах и заговорах. Даже если предположить невероятное — что его удастся пленить, — то под самыми ужасными пытками нам ничего не удастся выведать, кроме того, что он отдал этот приказ. Все знал только его верный пес, который уже лежит в сырой земле.

Лицо короля исказилось от приступа боли, на чуть порозовевшее лицо вновь напозла бледность. Господи, и зачем себя так мучить, когда можно отойти в мир иной, не подвергая себя таким страданиям! Но на то были причины. Еще не пропала надежда найти темного мастера, наславшего порчу, хотя она была призрачной. Главное же — еще не все дела завершены, чтобы передать престол в руки наследника. А вот

тут возникли очень серьезные сложности. Просто катастрофические.

Тот метод, что мог принести облегчение, угробил бы больного в считанные дни, хотя король угас бы без мучений и пребывая в полном покое. Слабый духом, скорее всего, пошел бы на это, но Георг Третий отличался стальным характером и силой воли. Поэтому он предпочитал борьбу. Безнадежную, причиняющую страдания и непередаваемую боль, но борьбу. Он не будет знать покоя на том свете, если оставит после себя не мощное, способное выдержать любые беды и невзгоды государство, а готовое сверзиться в пропасть. Именно так все и будет, стоит только ему убраться.

— Вот выпейте, ваше величество. Боль никуда не уйдет, но по крайней мере значительно притупится.

— Господи, ну почему твои настои такие отвратные на вкус! Уж и не знаю, что проще — пить их или страдать от боли.

— Сильная боль туманит разум, он же вам нужен чистым. Вижу, вам полегчало.

— Да, благодарю.

В этот момент дверь отворилась, и в комнату вошел давешний слуга, который покинул спальню, как только в нем отпала необходимость. Выпрямившись, вскинул подбородок, словно ничего не происходит и он сейчас в кабинете короля, а тот восседает за рабочим столом, а не лежит смертельно больной в своей спальне, пропитавшейся запахами, далекими от источаемых луговыми цветами. Видно, что старику это дается с трудом, но он честно выполняет свой долг, а приказ короля был однозначен. Текущие дела находятся в ведении наследника, под присмотром секретаря, который каждый день является с кратким отчетом. Все важные вопросы — только через короля, и никак иначе. Степень важности, разумеется, опять-таки определяет секретарь. Это очень не нравилось наследнику, но Георг Третий

предложил ему заткнуться и дожидаться смерти отца, а потом уж думать над тем, что ему нравится, а что нет.

— Барон Жерар Гатине, — произнес твердым голосом слуга.

— Пусть войдет, — тут же распорядился король.

— Пожалуй, пойду займусь своими делами, — тут же направился к двери мастер.

— Конечно, мастер Бенедикт, — легко согласился король.

Оба знали, что лекарь не уйдет далеко. Он будет находиться в соседних помещениях, отведенных ему на время болезни короля, и явится по первому зову. Но сейчас Георгу нужно заняться делами государственными, а разговор барона и короля не стоит слышать никому.

Едва удалились лекарь и слуга, в спальню вошел высокий, невероятно крепкого сложения мужчина. Он был облачен в доспехи, словно собрался в военный поход, а не на доклад к королю. Он всегда был в полном снаряжении, хотя уже успел позабыть, когда в последний раз неся в атаку, на боевом коне, в монолитном строю рыцарской конницы. Было время — и он имел славу отменного рубаки, не боялся ни черта, ни дьявола, но уже многие годы он вынужден сторониться поля брани, ведя борьбу в иной плоскости. Привычка же носить доспехи въелась ему в кровь, и без них он чувствовал себя голым. Кстати будет заметить, наличие брони пару раз спасало ему жизнь, когда он попадал в расставленные ловушки. Быть правой рукой короля, причем в весьма щепетильных делах, — не такое уж безопасное занятие.

— Жерар, дружище, не торчи у двери.

Барон правильно понял своего сюзерена. Оно и верно: чем тише разговор, тем надежнее. К тому же их беседы практически всегда отличались таинственностью. Что поделать — специфика рода занятий барона.

— Докладывай.

— Георг... Мне кое-что удалось выяснить.

Он запросто обращался к королю, перед которым робели, если не сказать больше, не только подданные, но и многие власть имущие за пределами королевства. Впрочем, всем известно, что эти двое дружны с младенчества, мало того — молочные братья, так что услышь кто случайно подобное обращение — не сильно удивился бы.

— Не тyani. Я не в том состоянии, чтобы играть в эти игры.

— Прости. Привычка.

— Ничего.

— Мы ошибались. Джон тут ни при чем. Хотя все обстояли именно так. Это Загрос. Они слишком крепко увязли в Кармеле и все еще не привели к окончательной покорности тамошнее население. Ты оказался слишком талантливым полководцем в отличие от своего отца, слишком умным управленцем и слишком амбициозным. Ни для кого не секрет, что Памфия не выстоит и ее падение — лишь вопрос времени. Бефсан имеет все шансы войти в состав королевства без войны. К тому моменту, когда проблема с Кармелем будет решена окончательно, перед Загросом встанет вопрос, как быть дальше, потому что на их пути встанет довольно сильное королевство. Ты мешаешь их будущим замыслам. Первый удар был по твоему старшему сыну, который мог стать тебе достойной заменой. Тот вурдалак совсем не случайно оказался столь проворным и изворотливым.

Виктор. Точная копия своего отца что лицом, что статью, что умом, что талантом полководца. Глядя на него, не возникало никаких сомнений — он будет достойной заменой нынешнему королю. В последней войне он показал себя как отличный военачальник, командуя отдельным отрядом и сдерживая своими действиями возле Кастро значительные силы памфийцев, что во многом определило разгром армии Джона и оккупацию графства Хемрод.

Когда пришла пора обзавестись теми, кто составит его ближний круг, и научиться управлять, король отдал под

руку сына графство Гиннегау, являвшееся собственностью короны. Молодой принц проявил себя с наилучшей стороны, значительно повысив благосостояние графства, дав понять всем, что кое-чего стоит не только на поле брани.

Все случилось совсем неожиданно. Во время инспекторской поездки к эскорту Виктора выбежала женщина и сообщила, что на их ферму напал вурдалак. Страшное животное. Именно животное, потому что вурдалак напоминает огромного медведя, наделенного неким разумом или скорее безумием. Он отличается свирепостью и ненасытностью, прямо-таки жадной убийства. Для него нет разницы, кого убивать, главное — убивать. В тех местах, где появляется вурдалак, практически исчезает живность. Достается и людям. В отличие от того же волколака он убивает всех без разбора и не боится нападать даже на вооруженные отряды.

Виктор был настоящим сюзереном. Не имело значения, что речь шла всего лишь о крестьянской семье. Это были его подданные, а его долг, долг сюзерена, — защищать их и оберегать от любой опасности. Вместе с эскортом быстро удалось напасть на след безумного зверя, но тот сумел запутать следы и исхитрился напасть первым. Напасть именно на Виктора, который шел хотя и не в середине отряда, но и не в голове. Атака была совершенно неожиданной и стремительной настолько, что задержавшиеся всего лишь на несколько секунд воины безнадежно опоздали. Доспехи принца выдержали безумный натиск, и если бы зверь не сломал своей жертве шею, то ничего страшного не случилось бы. Но случилось именно худшее.

До сих пор считалось, что имел место несчастный случай, от которого никто не застрахован. Однако барон Гатинне полагает иначе, а он слов на ветер бросать не станет. У короля слишком мало времени, а потому в подробные обстоятельства этого дела он вдаваться не собирается. Так — значит, так.

— Продолжай, — справившись с нахлынувшими чувствами, приказал Георг.

— Второй удар — по тебе. Как именно и каким образом, выяснить не удалось.

— Шансы?

— Очень малы. Практически нет.

— Почему ты так уверен, что удар нанесли именно загросцы?

— Есть кое-какие обстоятельства.

— Только цели. Чего они хотят?

— Это многоходовая комбинация с множеством вероятностей. Если мы убедимся, что это работа памфийцев, то следует ожидать подобного удара по ним или же прямого вторжения. После последней войны и наша, и памфийская армия не в лучшем виде, но если мы все же ударим, то, несомненно, сокрушим противника. Однако в этом случае нам будет нечем противостоять Люцину, Мгалину и Лангтону. Несвиж разорвут на части. Там уже вовсю трудятся загросские посланцы, которые всячески умасливают королей и вдалбливают им в головы, будто Несвиж практически на последнем издыхании.

— Даже если Джон в своей самоуверенности решит атаковать Несвиж, понадеявшись на то, что на троне восседает такой бездарь, как Гийом, все одно остаются мои соратники, которые не дадут пропасть моим трудам и разобьют его. — Король выразительно посмотрел на барона, и тот, замаявшись на пару секунд, все же утвердительно кивнул. — Наши соседи могут подумать все что угодно, но вести войну от обороны и атаковать — это разные вещи, так что они тоже умоются. Но тогда силы Несвижа будут подорваны, и очень сильно. Гийом не сможет восстановить армию в былом виде, и, когда придет время, он не сумеет противостоять загросцам.

— Примерно к этим выводам пришел и я.

— Значит, нужно ударить по загросцам. Не силой меча, а направив туда кинжал и яд. А может, следует отплатить им той же монетой, использовав темного мастера.

— Я об этом уже думал, — произнес барон, ничуть не пытаясь скрывать тот факт, что подобный человек у него есть. — Но, полагаю, этим самым мы сыграем на руку загросцам. Там нет монархии, у власти стоит совет представителей всех домов. Они между собой не ладят и постоянно плетут друг против друга интриги. Уверен, что когда я сунусь в Загрос, то пойду по неверному следу. В результате наш удар попадет не в того, кого надо, и истинный виновник останется в выигрыше. Над этим планом поработал кто-то очень умный и изворотливый. Я буду продолжать работать в этом направлении и клянусь, что ты с небес сможешь наблюдать за отмщением.

— Мечь — непростительная роскошь для короля. Эту партию я проиграл, и тут ничего не поделаешь, — тяжело вздохнул Георг, вновь скривившись от боли.

Он показал барону на кубок, из которого его потчевал лекарь. Варевое на вкус было отвратным, обладало не менее неприятным запахом, но давало хоть какой-то эффект. Барон подал кубок и, когда Георг откинулся на подушки, вернув ополовиненную посуду, выразительно посмотрел на дверь.

— Нет, не надо лекаря, — возразил король. — Мы еще не закончили, а времени у меня слишком мало. Итак, эту партию мы проиграли, но мне кажется — все же почти. Есть возможность вывести ее на «ничью».

— Я такой возможности не вижу. К тому же Бефсан практически потерян, еще не будучи обретенным. Граф Гериманн не захочет, чтобы его единственная и любимая дочь стала супругой Гийома. И уж тем более он не пожелает, чтобы такое ничтожество стало его престолонаследником, как не захотят этого и его бароны. Пока нам удастся скрывать, насколько все плохо, но рано или поздно правда вырвется

наружу. Боюсь, это произойдет в самое ближайшее время. После смерти Виктора бефсанские шпионы сильно активизировались. Мы взяли уже троих. Нет-нет, они живы, просто изолированы в одном из замков, к ним даже пытки не применялись.

Бефсан... Отдельное графство, умудряющееся сохранять суверенитет. Последняя война с Памфией была затеяна в основном с целью захвата графства Хемрод и выхода к границе с Бефсаном. Сам Хемрод тоже очень даже не помешает, но Бефсан... Это графство увеличит протяженность границы с Лангтоном в три раза, что не очень хорошо, но зато обеспечит Несвижу выход к морю. Самое же главное — есть возможность бескровного присоединения. У графа Бефсана нет наследников по мужской линии. Конечно, графство не волеется полностью в королевство, а будет некоей автономией, но это не суть важно — даже если и автономия, то верный союзник.

Георг собирался добиться этого, женив своего наследника Виктора на Беатрисе, наследнице старого графа, которому также осталось немного. Эта девушка была его последней отрадой, остальных детей он потерял по самым различным причинам. Кстати заметить, Георг к этому не приложил руку, просто решил воспользоваться ситуацией.

Но одно дело — Виктор и совсем другое — Гийом. Мало того что бездарен, так еще и мужеложец, как недавно выяснилось. Отсутствие интереса к женщинам списывали на его застенчивость и еще бог весть на что, но никто не мог и предположить, что все настолько плохо. Он никогда не был в центре внимания, так как его никогда не рассматривали как претендента на корону. И лишь недавно стали известны все обстоятельства, что едва не загнало короля в могилу быстрее, чем насланная порча.

Тут дело даже не в старом графе или чувствах самой Беатрисы. Вся сложность в баронах, которые ни за что не согласятся на подобное и могут даже устроить заговор. Нет,

Гийом — не та фигура, которую можно использовать в такой игре. Этот путь вел к явному проигрышу, и если партия будет проиграна окончательно, то успех последней войны составит едва ли треть того, что можно было бы получить изначально.

— Ты не видишь возможности выйти из этой ситуации, потому что ты не король, хотя мозгов у тебя хватает. Что касается Бефсана... Если здесь замешан Загрос, то будь уверен — и граф Гериманн, и бароны уже прекрасно осведомлены о том, что на самом деле представляет собой Гийом. Я не получил отказ лишь потому, что еще не обращался к графу с повторным предложением. Сейчас его атакуют другие соседи. Но всерьез он рассматривает только Лангтон — Памфия слишком слаба и не сможет усилить графство.

— Тогда все еще хуже. Бефсан мы сможем получить исключительно силой оружия, но в этом случае нам придется схватиться сразу с тремя противниками, ни Лангтон, ни уж тем более Памфия не останутся в стороне. Предложить кого-то из наших графов или их сыновей? Нет. На это старый лис и его бароны не согласятся.

— Я же говорю, что ты не король. У меня есть еще один сын.

— Георг, он женат, и, между прочим, с твоего позволения. Да, у короля есть еще один сын. Младший, которому едва исполнилось девятнадцать. Берарда вообще никогда не рассматривали как возможного претендента на корону, а потому он жил в свое удовольствие. Год назад он испросил позволения жениться на виконтессе Кинол и легко получил согласие. Глядя на этих молодых людей, можно с уверенностью заявить, что они будут верны друг другу до гробовой доски. Король был рад этому союзу. Графство имеет большое значение для королевства, и еще одна веревочка, связывающая его с королевским домом, никак не была лишней. Союз с ним куда важнее, чем с каким-нибудь другим королевским родом.

— Если ты затребуешь развод, это настроит графа Кинола против трона. Вместо того чтобы получить Бефсан, мы можем остаться без него и занять все шансы потерять Кинол. Не говорю уже о ненависти, что поселится в сердце Барда. Лучше забыть о подобном ходе.

— А если она погибнет?

— Георг...

— Мне жаль эту девочку. Я безмерно рад этому союзу, я с нетерпением жду первого внука, которым в скором времени должен одарить меня младший сын. Видит бог, если это будет девочка, то счастье мое будет не меньшим. Но я в первую очередь должен думать о королевстве.

— Георг...

— Сердце — это самый последний советчик, к которому должен обращаться правитель.

— Я не смогу.

— Сможешь, — жестко припечатал король и тут же зашелся тяжелым выворачивающим кашлем.

Начался очередной приступ. Барон тут же подхватился, чтобы призвать лекаря, но его остановил властный жест короля, приказывающий опуститься на стул. Приступ был особенно силен — как видно, сказалось нервное напряжение последнего разговора, — но, преодолевая недуг, Георг Третий оставался непоколебим в своем решении. Барон Гатине был вынужден молча взирать на страдания своего сюзерена, не в состоянии чем-либо ему помочь.

Наконец приступ миновал, и король отнял от губ пропитанный кровью платок. Отдав его Жерару, он велел подать другой, приказав окровавленный спрятать у себя. Никто не должен знать, что в результате беседы у короля случился внеочередной приступ. Это явно укажет на тот факт, что Георг переволновался, а значит, разговор был серьезный. В свете предстоящих событий это станет лишним поводом для подозрений.

Король потребовал кубок и, допив остатки питья, с ненавистью отбросил его в сторону. И почему все эти настои и взвары такие противные! Почему польза бывает от таких отвратных вещей?! Потому что иначе не получается. Чтобы спасти человека, подчас приходится лишиться его конечности, дабы не позволить заразе съесть его полностью.

— Сможешь, Жерар. И сделаешь, — наконец устало продолжил король. — Исполнишь все так, как не снилось никаким загросцам, хотя они в этом деле волколака съели. Не отвлекайся на поиски виновных в гибели Виктора и моей. Ты прав, здесь ты проиграешь во всем и только сработаешь на руку тому, кто это затеял. Главное — не дать им победить окончательно. Знаешь, ведь я могу прожить остаток дней без боли и страданий, но, чтобы этого добиться, мастеру Бенедикту придется задействовать мои последние жизненные силы. Загросцы совершили одну ошибку. Они поторопились. Им следовало сначала избавиться от меня, а уже потом убирать Виктора.

— Но тогда мы могли успеть заключить союз.

— Это в одночасье не решается. На все потребуется не меньше года, я бы не протянул столько. А сейчас я все еще жив, и я не привык проигрывать. Пусть они устранили меня и Виктора — Несвиж все еще может выиграть и оставить их с носом. Только поэтому я принимаю эти мучения.

Верный пес вновь устремил взгляд на короля, и на этот раз в его глазах было безмерное уважение и восхищение этим человеком. Да, он замыслил страшное, и именно ему, Жерару, барону Гатине, придется выполнить всю грязную работу. Мало того, он уверен, что и сам падет от руки убийцы, поскольку исполнителей такого не оставляют в живых. Но он готов к этому. Всю свою жизнь он служил Несвижу и готов был за него умереть, а на поле брани ли от честного удара мечом или в глухом переулке от подлого удара кинжалом — это уже не суть важно. Он всегда стоял на страже

интересов своей родины. По сути, если он и был псом, то не королевским, а несвижским.

— И как все это произойдет?

— Все просто и вместе с тем сложно. Но ты должен знать: мои силы могут иссякнуть и раньше. Мы немедленно начнем переговоры с Джоном о женитьбе Гийома на его дочери.

— Он не согласится.

— Согласится, если ему предложить графство Камбре. Хемрод все еще не имеет своего графа, поэтому не думаю, что Даниэль будет возражать против переезда. К тому же Хемрод превосходит его прежнее владение. Для Джона это будет серьезная компенсация за проигранную войну.

— Хемрод пострадал во время войны, Камбре нет.

— Именно по этой причине замена будет равнозначной.

— Но бароны могут отказаться оставить свои дома.

— Знаю. Именно поэтому переговоры нужно всячески затягивать. Берард должен жениться на Беатрисе и поселиться в Бефсане. А потом... Потом Гийом должен будет погибнуть.

— Боже правый!

— Только когда Берард взойдет на трон Несвижа, игра будет закончена. Только тогда, принеся множество жертв, мы сможем выиграть, никак не раньше. Я хотел достигнуть гораздо большего и, видит бог, добился бы своего, но сейчас все складывается таким образом, что мне нужно постараться удержать имеющееся. Остальное ляжет грузом на моих потомков, и им решать, как поступать.

— Но Берард... Его никогда не готовили управлять государством. Мальчик больше увлекался турнирами, балами и ухлестываниями за дамами, пока не повстречал юную Изабеллу.

— Да, он бледная тень Виктора, но он и не Гийом, который не стоит и пыли на сапогах старшего брата. Это меньшее из зол. Я не ожидаю, что он достигнет больших высот, но он точно не изгадит все окончательно.

— Я все сделаю.

— И еще. Запомни. Если к тебе приблизится убийца... Защищайся. Рви всех, как вурдалак. Берард — это не я. Лишь ты сможешь сохранить мой род, и я вручаю в твои руки судьбу моих потомков. Иди. И пришли лекаря, что-то мне совсем худо.

Поездка выдалась весьма тряской. Карету то и дело подбрасывало на неровностях, хотя двигалась она едва ли быстрее пешехода. И это королевский тракт! Говорят, путешествовать по загросским дорогам одно удовольствие: они ровные и прямые, к тому же вымощены камнем. Есть даже специальная служба, которая следит за состоянием дорог и производит своевременный ремонт. Здесь до такого еще очень далеко. Да что там! Пожалуй, даже ближайшие потомки не смогут увидеть подобное.

Если бы не подушки, которыми обильно обложили юную Изабеллу, было бы совсем худо. Не в ее состоянии предпринимать такие путешествия, все же она на четвертом месяце беременности. Ну да ничего. Это не важно. Ей никак нельзя было остаться дома.

Отец мужа смертельно болен, и долг Берарда — находиться в этот час подле него. Изабелла не могла оставить супруга в столь трудную минуту. Он искренне любил отца, и происходящее сильно ранило его.

Как так случилось, что даже собравшиеся все вместе лекари королевства не могли помочь своему сюзерену? Непонятно. Очевидно, не обошлось без заговора, а к таким вещам подходят очень серьезно. Настолько, что удар должен быть точным и выверенным, иначе не стоит и начинать.

Сейчас Изабелла ехала одна. Нет, в карете находилась ее служанка, а эскорт состоял из десяти воинов, так что полным это одиночество никак не назовешь. Но мужа рядом не было. Буквально вчера, когда они остановились на постоялом дворе при тракте, их разыскал гонец. Он принес худые

вести. Состояние короля резко ухудшилось, и, если бы Берард продолжил путь вместе с супругой, он вполне мог не застать отца в живых.

Возможно, это и не так. Ей хотелось, чтобы это было не так, ведь она искренне любила свекра, который, не имея дочерей, относился к ней как к родной. А с каким нетерпением он ожидал рождения ее ребенка! Причем вне зависимости от того, кто родится, сын или дочь. Ну прямо как ее отец, который тоже не находил себе места. Она была старшей из детей графа, и у него тоже родится первый внук или внучка. Она очень хотела застать короля живым и желательно при твердой памяти, чтобы сказать ему последнее «прощай» и выразить благодарность за теплоту, которой он щедро одаривал ее.

Но раз уж так случилось, то Берарду следовало поторопиться. Она сама настояла на том, чтобы он ехал вперед. Одно дело, если она не успеет к смертному одру умирающего — и он сам, и Господь простят ее, так как причина ее опоздания весьма уважительна. Но для мужа ситуация иная.

Дело даже не в том, что кто-то посмотрит на него косо. Он сам никогда не простит себя. А она не хотела быть причиной душевных мук супруга. Они счастливы, их брак освещен светом, пусть так все и остается, чтобы даже неясная тень не пролегла между ними. Если Господу будет угодно, король продержится еще пару дней, что ей осталась до столицы. Если нет, Берард все равно успеет, сумев преодолеть это расстояние всего лишь за день.

Сэр Валеран, рыцарь несвижской короны и вассал принца Берарда, не останавливаясь, привстал в стремених и устремил взгляд вперед. Открытая местность оставалась позади. Совсем ровной ее не назовешь, она изобилует пологими холмами, но все же окрестности просматриваются достаточно далеко и о внезапном нападении нечего и думать. Однако впереди дорога уходила под сень деревьев, а уж там-то устроить засаду куда проще.

Взгляд вправо. Они проехали очередной пологий склон, и за ним был виден только урез, словно земля обрывалась и снова появлялась уже гораздо дальше, покрытая густым лесом. Это не обман зрения. Там пролегает обрывистый берег Беллоны, крупной реки, которая берет начало в Железных горах, населенных дикими и непокорными племенами горцев, и протекает через два королевства, Несвиж и Памфию.

Река судоходная, одна из основных торговых артерий королевства, позволяющая выйти к морю. Правда, своих морских кораблей у Несвижа нет. Дело даже не в том, что морские корабли не могут войти в нее, это не так, просто другие государства не позволят большим кораблям Несвижа ходить по этим рекам. Уже было несколько попыток обзавестись подобным флотом, и все они потерпели неудачу, так как флотилии других королевств неизменно нападали на крупные суда Несвижа. Доходило и до войн, но ситуация не изменилась до сих пор. Все, что оставалось купцам, — это использовать небольшие речные суда.

Сейчас бы плыть на галере, и госпоже было бы куда комфортнее. Но к Беллоне они подошли только что, а до этого их путь лежал с запада, и совершить речное путешествие не представлялось возможным. А теперь и не имеет смысла. Им осталась всего одна ночевка на постоялом дворе, а к исходу следующего дня они уже будут в столице. Да и берег реки здесь обрывистый, ни одного удобного места, чтобы пересесть на судно. Поэтому миновать лес никак не получится.

Десяток вооруженных и закованных в кольчугу всадников — серьезная сила, справиться с которой весьма сложная задача. Однако сэра Валеран и не думал высокомерно игнорировать опасность. Не важно, что они находятся в самом сердце королевства. Не имеет значения и тот факт, что с вольницей баронов, постоянно норовивших выйти на большую дорогу, давно покончено, а те, кто не внял голосу разума, повисли на виселицах. Король жесткой рукой на-

вел порядок в своих владениях при полной поддержке графов. Последним спокойная торговля куда выгоднее, чем бесчинства баронов.

Но банды разбойников никуда не делись. Можно бы и наплевать на эти ватаги, отличавшиеся не только плохой организацией, но и отвратным снаряжением. Их основное оружие — охотничий лук, который в большинстве случаев не мог пробить кольчугу даже с близкого расстояния. Десять латников им, пожалуй, не по зубам. Будь под командованием Валерана только этот десяток, рыцарь бы наверняка пренебрег осторожностью, но он отвечал за миледи.

— Гарт!

— Слушаю, сэ.

— Впереди лес, отправь двоих в дозор.

— Слушаюсь. Джон, Жак, в дозор. Осмотрите лес на перелет стрелы. Если все спокойно, подадите сигнал. Потом двигайтесь в голове, в пределах видимости. Жак — старший.

— Слушаюсь.

Солдаты еще молодые, от силы лет по двадцать, но уже имеют боевой опыт. Оба прошли через множество мелких схваток и успели поучаствовать в последней войне. В его десятке вообще нет желторотиков, все ветераны, даже те пятеро, что остались в замке. Сэр Валеран не без гордости обернулся, привстав в стременах, и осмотрел свое воинство. Орлы!

Кавалькада из кареты и десятка всадников продолжала свой путь, не останавливаясь ни на мгновение. Причин для промедления нет никаких. Двое всадников, пришпорив лошадей, с легкостью оторвались от медленной процессии и уже совсем скоро пропали под сенью деревьев. Однако надо заметить, что в лес они въехали уже шагом, внимательно глядясь в окружающий подлесок. Осторожность и внимательность успели вестись им в кровь.

Эскорт был уже в семидесяти шагах от кромки леса, когда на опушке появился дозор. Поднятая вверх рука и круговое движение возвестили о том, что путь свободен. Гарт также поднял руку и махнул, давая знак продолжать движение. Всадники все поняли верно и, развернув лошадей, шагом двинулись дальше. На этот раз они не затерялись среди листвы, а старались держаться в пределах видимости.

— Сэр, путь свободен.

— Я понял, Гарт, — согласно кивнул сэр Валеран.

Наконец над головой сомкнулись кроны деревьев, и ментально пришло облегчение. Через поднятое забрало лицо овеивает легкий ветерок. Разумеется, рыцарь не первый год носил доспехи и без них чувствовал себя неудобно, они давно уже превратились в его вторую кожу. Но жара оказывала далеко не благостное влияние: он чувствовал, как взмокло от пота тело, окончательно промочив нижнюю рубашку. Это особенно стало ощущаться, когда его обволокла приятная прохлада.

Проклятье. Сейчас бы искупаться в реке, смыть с себя пот и грязь, а вместе с ними и усталость. За время похода тело успело пропитаться такими запахами, что пучки пахучих трав, уложенных под поддоспешником, уже никак не могли маскировать амбре, словно окутывающее его со всех сторон. Но о купании нечего и мечтать. Даже во время остановок на постоялом дворе они не могли себе позволить разоблачиться. Он один как командир имел такую привилегию, но пользоваться ею не хотел, стойко терпя лишения со своими подчиненными. И они это ценили. Единственное, что он мог себе позволить, — ненадолго скинуть кольчугу, наскоро ополоснуться колодезной водой, что никак не назовешь помывкой, и, разместив пахучие травы, снова облачиться в доспехи.

Солдаты смотрели на это как на блажь. Да, такое амбре никак не назовешь приятным, но даже благородные дамы относились к подобному с пониманием, не помышляя о

том, чтобы как-либо демонстрировать свое неудовольствие. Уж такова доля воина. Когда речь шла о военном походе, то завшивевшие солдаты и даже бароны или графы не были чем-то из ряда вон. Обычное в общем-то дело. Это ведь не турнир, где вокруг рыцаря выются как минимум двое оруженосцев. И там следует не просто победить, но еще и произвести должное впечатление. В походе все просто: если ты победил, то остался жив, проиграл — кто-то забрал твою жизнь. А как ты при этом выглядишь, окружающих интересует в последнюю очередь. Главное, чтобы оружие и доспехи сохранились в порядке, конь был здоров и отсутствовали запущенные раны, которые могли воспалиться и свести в могилу. Остальное не имеет значения.

Эта поездка была сродни походу, потому как воинам предстояло сберечь от ненужных встреч и посягательств очень влиятельных лиц. Сэр Валеран был крайне недоволен тем, что принц, едва получив известие, спешно продолжил путешествие в сопровождении единственного оруженосца, шестнадцатилетнего мальчишки, сына одного из баронов, пока еще только мечтающего о рыцарской цепи и шпорах. Но тут уж ничего не поделаешь: принц отдал четкий приказ — охранять леди Изабеллу.

Рыцарь поднял глаза вверх, ловя взором проблески солнца в густой листве с редкими прорехами. Это было последнее, что он видел в своей жизни. Охотничья стрела попала ему в незащищенное лицо, впившись в правый глаз и добравшись до мозга. Смерть была мгновенной, а потому он уже не видел, что происходило вокруг. По сути, теперь ему не было никакого дела до этого брэнного мира, потому как путь его лежал в голубые небеса, в мир вечного покоя и, если не врут священники, в землю обетованную, куда обязательно попадут все, кто живет по закону Божьему. Иначе и быть не может, ведь, несмотря на воинскую стезю, он всегда старался быть чистым перед Богом и регулярно посещал духовника, искренне каясь и получая отпущение грехов.

События понеслись, как взбесившаяся лошадь. Крики, звон скрестившихся клинков и стрел, ударяющих по доспехам, ржание лошадей, резкие отрывистые команды, брань сошедшихся в рукопашной, топот, хрипы. Истошный женский крик, донесшийся из кареты, выделялся своей инородностью там, где раздавались звуки, столь характерные для схватки. Кричала служанка. Рассмотрев заросшие рожи разбойников, ринувшихся в атаку, она сразу же лишилась чувств.

Обстрел принес свои плоды: среди обороняющихся недоставало уже двоих. Однако не сказать, что потеря командира в самом начале атаки как-то особенно повлияла на солдат. Вопреки ожиданиям они не растерялись. Действовали на одних рефлексах, вбитых долгой службой и прошлыми схватками. К тому же без руководства они и не остались: на месте схватки то и дело раздавался голос десятника, отдающего отрывистые команды.

Семеро всадников успели организовать периметр вокруг вставшей кареты. Первые разбойники, навалившиеся на них, сразу же получили отпор, нарвавшись на удары копьями. Однако сразу после этого солдаты отказались от этого оружия. Мечи в ближнем бою — куда более сподручное средство, да и выдерживать завязшие в телах копьей было попросту некогда. Шайка оказалась многочисленной. Да и могло ли быть иначе? Малым числом можно грабить лишь одиночных путников, но не вооруженный до зубов воинский отряд.

— Не вырываться! Держать строй!

Конечно, можно ринуться в атаку, но Гарт решил сначала отбить первую волну. У всадника есть преимущество перед пешим, и даже наличие у безлошадного копьей, если он не в строю, не могло изменить перевес. Только после того, как первый порыв будет сбит, можно будет говорить о контратаке.

— А-ахр-р!

Один из солдат начал заваливаться на бок, царапая застрявший в груди болт. Проклятье! Откуда у этих выкормышей шелудивой дворняги взялись арбалеты?! Сражаться и дальше конными становится слишком опасно. В шлем ударила стрела и, скользя по металлу, унеслась в неизвестном направлении. Удар отдался легким звоном в голове, но это не могло повлиять на боевую активность десятника.

— Спешиться! Джон, Торк, Генри — вправо! Остальные — влево! Вперед!

Только атаковать, иначе они превратятся в подсадных уток. Арбалет — это не охотничий лук, от него в такой ситуации уже так просто не защитишься. Всего лишь мгновение — и оставшиеся шестеро соскочили на землю, а их клинки уже ищут следующих жертв. Воины, словно кабаны, вламываются в подлесок, опрокидывая нападающих и обращая их в бегство. Это вам не купцов щипать, которые надеются на указы короля и экономят на нормальной охране! Слишком через многое прошли ветераны, чтобы вы могли им противостоять.

Ага! Вот и арбалетчик! Он уже взвел тетиву, но болт еще не наложен. Твои проблемы, потому как щадить тебя никто не думает. Смерть — вот и все, что ты заслужил, засранец! Жаль только, быстрая, но времени и без того в обрез. Гарт уже сократил дистанцию и готов нанести смертельную рану, когда на него вдруг обрушивается удар сверху. Что это? Нет, он прекрасно помнит, что услышал приближение всадника, мало того — даже успел краем глаза увидеть, что это на помощь своим товарищам пришли двое солдат из передового дозора. Вот только кто объяснит, с чего это Джону и Жаку, вместо того чтобы помочь, возжелалось атаковать их?

Жизнь в Гарте все еще теплилась, и он сумел заметить, как Жак ударил Джефа. Джон, после того как свалил своего десятника, пронесся дальше. «Не иначе как нацелился на Эрика», — отчего-то мелькнула отстраненная мысль.

Но как такое могло произойти?!

Куда подевался этот проклятый колдун? Ну да и черт с ним. Главное, не обманул и эти два остолопа, что остановили его на лесной дороге, действительно ни с того ни с сего напали на своих товарищей. Если бы не это... От ватаги и так остались только шестеро. Ну это ничего. Зато какая славная добыча! Одиннадцать полных доспехов и комплектов вооружения (эти двое, как только добились последнего, дали зарезать себя, как курят), одиннадцать боевых лошадей с полной упряжью, четыре каретные лошади. В сундуках этой леди тоже есть чем разжиться, плюс ко всему — мешочек с золотыми монетами, пара мешочков с серебром и украшения.

Ватага насчитывала три десятка, но самым серьезным оружием у них были два коротких меча, большие кинжалы и топоры. Имелся еще арбалет: его изъяли у одного наемника, который самонадеянно полагал, что может в одиночку ночевать в их лесах. Зато теперь... Научиться бы еще пользоваться всем этим, и они покажут, что такое настоящая ватага. Теперь уже можно будет не размениваться на одиночные повозки с мелкими торговцами. Прав был тот темный — в счастливый час они его повстречали.

Хм... И сами бабы. Бабы — это хорошо. Бабы — это дело такое. Вот оставит их при себе, будет кому согревать постели в их логове. Спать в одиночку в пещере — удовольствие сомнительное. Однако почти сразу мысль оставить женщин вызвала отвращение. А если получить выкуп? Нет, это лишнее. Ну его к дьяволу. Куш и без того такой, что не со всякого торговца возьмешь. Другое дело, что продавать все совсем необязательно. Попользовать баб, вон какие ладные, а одна и вовсе красавица из благородных, когда еще такая попадетса, — а потом нож в брюхо и продолжать гулять! Вот эта мысль не вызвала никакого отторжения. Вроде как та леди на сносях, ну и что с того? Надо лишь отойти подальше, к берегу Беллоны.

— Ну что, кто еще хочет?

— Нет, если только потом. Да и уходить пора.

— «Потом» уже не будет, — злорадно ухмыляясь и самодовольно почесывая грудь, заявил атаман.

Он бросил плотоядный взгляд на скрючившихся на земле женщин. Они уже не кричали и не стонали, только тихо поскуливали, с каждым мгновением скрючиваясь все сильнее. Леди лежит у его ног, прикрывая выпирающий живот, а молоденькая служанка пытается стянуть остатки платья на груди. Эх, невезуха! Нетронутая оказалась. Ну и черт с ней, зато леди досталась ему первому. Впрочем, там все как у нормальной бабы, но вот тело... Да-а, тело у нее — не то что у крестьянок: ухоженное, гладкое, с мягкой кожей.

Он почувствовал было, что начинает заводиться по-новому, но потом пришло осознание, что плоть никак не поспевает за мыслями. Разум все еще не насытился, а вот сил-то вроде как и нету. Ну и черт с ней. Других найдут. Атаман схватил за волосы благородную, подтащил к обрывистому берегу реки, поросшему лесом, и, вогнав в грудь нож, сбросил женщину с обрыва. Совсем скоро служанка последовала за своей госпожой. Тут высота никак не меньше ста футов, куда там крепостным стенам! Так что с гарантией.

— А-а-а-а!!!

— Аккуратнее, Тед. Не переусердствуй. У нас и так остался только этот.

Барон Гатине мягко опустил руку, а скорее лапу, на плечо палача и легонько сжал. Хотя мог бы и не стесняться. Палач статью ничуть не уступал Жерару, а сойдись они в борьбе, тут уж стоило бы почесать в затылке, кто кого опрокинет наземь. Правда, это если не знать, что барон является отличным бойцом. Так что на самом деле шансов у Теда никаких. Впрочем, какими бы непристойными делами по долгу

службы ни занимался верный пес короля, у него даже мысли не возникнет опускаться до схватки с заплочных дел мастером. Так что эти рассуждения — пустая трата времени.

— Ваша милость, спрашивать-то будете?

Барон взглянул на взახлеб дышащего человека. Тот уже успел обделаться и добавить ароматов в и без того зловонное подземное помещение. Но где-то в глубине глаз по-прежнему таится непокорность. Оно и понятно: бесхарактерный нипочем не станет вожаком ватаги разбойников. Нет, пожалуй, он пока не созрел для разговора. Нужна еще самая малость, хотя его обрабатывают уже битых три часа. Но это не беда. Во взгляде не наблюдается горячечного блеска: если до сих пор разума не лишился, значит, уже не лишится. Придется его потомить, чтобы стал пластичным и рассказывал обо всем сам, без наводящих вопросов. Только тогда можно рассчитывать на то, что он расскажет правду, а не будет молоть что угодно, лишь бы прекратить свои страдания.

— Давай, Тед. Только аккуратно, чтобы не издох.

— Не волнуйтесь, ваша милость. Я свое дело знаю.

— А-а-а!!!

Помещение наполнил истошный крик. Разнесся запах паленого мяса. Что ж, это не так плохо, хотя бы забьет вонь его дерьма и мочи. Правда, ненадолго. Уже через несколько секунд запахи снова смешаются и опять повиснет эта адская смесь. Нет, нужно прекращать. И пусть помощник Теда приберется. Сил больше нет никаких. Впрочем, похоже, этот бурдюк с дерьмом полностью опорожнился, дальше легче будет. Эх, еще бы проветрить. Но не получится.

Эти мысли барона могли показаться странными — уж чего ему только не пришлось повидать за свою жизнь. К тому же взирал он на происходящее совершенно спокойно. Любой наблюдатель с первого же взгляда определил бы, что обстановка подземелья ничуть не гнетет Жерара. Одна-

ко никому и в голову не пришло бы, что он из всех сил старается тянуть время.

Допрос велся очень грамотно, с дозированными передышками, так чтобы подвергаемый пыткам четко мог осознать разницу между тем состоянием, когда палач его не касается, и обратным. Эти перерывы были строго ограничены во времени, их продолжительность определялась наметанным глазом палача. Важно, чтобы допрашиваемый не получил слишком долгий отдых, иначе придется начинать все сначала. Оба были специалистами в своем деле: случись все в открытом поле и не окажись под рукой палача, барон великолепно справился бы и сам.

— Какого дьявола! Сказано же, не беспокоить!

— Прошу прощения, ваша милость, — тут же вытянулся в струнку стражник, — но тут граф Кинол.

— Тем более. Нечего ему тут делать.

— А вот это уже не вам решать, — послышался твердый, уверенный голос человека, знающего себе цену.

— Очень даже мне, — тут же принял стойку барон.

Какая ему разница, что перед ним стоит правитель одной из провинций королевства, даже если она самая крупная и очень важна для Несвижа. Здесь распоряжается он. Мало того, он подконтролен лишь королю, и никому иному. Указывать ему может только он.

— Барон, не зарывайтесь. — Ты гляди, даже не поморщился. Видать, запахи подобных помещений ему отнюдь не в новинку.

— Ваша светлость, при всем моем уважении к вам я вынужден настаивать, чтобы вы покинули пыточную. Я уже совершил одну ошибку, когда взял с собой на поимку разбойников принца Берарда. Хорошо хоть атамана сумели взять.

Все так. Принц оказался настойчивым, барон непреклонным, но приказ короля все расставил по своим местам. На след ватаги вышли довольно быстро, прошло не больше не-

дели, а затем был захват. Вернее, бойня, которую устроили Берард и его оруженосец. Их едва удалось урезонить. Хотя они слишком молоды и не участвовали ни в одной кампании, это ничуть не умаляет их мастерства владения клинком. Даже молодой оруженосец смог себя проявить: дворяне приучали своих детей к мечу с раннего детства, таков уж образ жизни. Прибавьте то обстоятельство, что разбойники вообще слабо представляли, как нужно драться, и вы получите полную картину. Лис, ворвавшийся в курятник. А если учесть тот факт, что люди барона поначалу растерялись и не смогли лишить активности принца... Хорошо хоть барон самолично вмешался и доброй плюхой отправил мальчишку на землю, а оруженосца обездвигили дружинники, иначе не было бы и этого пленника.

— Я не новичок в подобных делах и не девятнадцатилетний юнец. Вполне умею держать себя в руках.

— Ваша светлость, вы отец Изабеллы, поэтому покиньте пыточную, — продолжал настаивать Жерар. Интонация его голоса вновь изменилась и стала требовательной.

— Вот, взгляните. Приказ короля.

— Приказ короля, значит... — Барон Гатине вырвал из рук графа свиток, расправил его и быстро прочитал. — Господи, опять! — простонал он так, словно явственно ощутил боль. Но затем взял себя в руки, вернул свиток. — Ваша светлость, разумеется, вы можете присутствовать на допросе, раз уж так-то, но прошу, не делайте этого. — Голос барона звучал искренне. Никто не усомнился бы, что Жерар говорит именно то, что думает.

— Я могу присутствовать на допросе, и я буду присутствовать, — безапелляционно заявил граф.

— Хорошо, — вынужденно согласился барон. — Тогда присядьте вот здесь, в уголке, и тихо наблюдайте за происходящим. Вам все будет слышно. Только, пожалуйста, ни слова.

В ответ на это граф стрельнул в барона таким взглядом, словно готов был выпустить в него болт из арбалета, этого проклятого оружия, столь не любимого рыцарями. Потом прошел к указанной скамье и присел, опершись на выставленный меч.

«Да и Господь с тобой, — подумал Жерар. — Смотри, если хочешь, только сделай все так, как надо».

— Продолжим, Тед.

— Ваша милость, он того. Вроде как оклемался.

— Вижу. Слишком долгий перерыв. Ладно, сейчас размякнет. За дело.

— А-а-а!!!

— Ну что, дружок, будем продолжать? Или тебе есть что поведать?

— Да скажите... что... вам надо-то? — с придыханием, всякий раз прерываясь, произнес пленник.

Ага, вот сейчас все бросим и станем тебе помогать. Давай, милый, рассказывай все по порядку, как твоей душе будет угодно. Заодно поглядим, можно ли прекратить кое-какие поиски. Раз уж так совпало, грех не извлечь максимум пользы. А то получится, что совершившая злодеяние ватага уже изничтожена, а ее по-прежнему ищут, людей задевают, словно иных забот нет.

— А ты все рассказывай, — тем не менее подсказал барон. — Что сделал, что слышал...

— Что вы сделали с беременной женщиной, которую захватили в Балатонском лесу?! — вдруг вскочил со своего места граф, вперив в пленника гневный взор.

Нет, нормального допроса не получится. Если начинают возобладать чувства, о нормальном следствии можно позабыть. Но помешать графу Жерар уже не мог, потому что пленник затараторил, как трещотка:

— Это не я... Я бы выкуп... А зачем ее убивать... А он... Убить баб... Всех убить... Чтобы никого живого... Даже этих, что своих...

• Боец •

Глава 1

БАРОН АВЕНЕ

— Барон!

— Я тороплюсь, Георг.

— Мне только...

Но, как видно, барону Гатине и впрямь не до разговоров. Он лишь торопливо отмахнулся и прошел мимо. Молодой сотник и не подумал таить обиду на столь пренебрежительное отношение. Не та ситуация. Сейчас в лагере творилось настоящее столпотворение. Впрочем, лагерем это скопление вооруженного, а нередко и безоружного люда можно назвать с трудом. Отовсюду слышны крики, стоны, проклятия, ржание лошадей, топот, бряцание железа — все то, что сопровождает отчаяние и горечь поражения.

Год назад, окончательно добив восставших кармельцев, загросцы не осмелились пересечь границу и вторгнуться в Несвиж, власти которого долгие годы своей поддержкой не давали погаснуть очагам сопротивления в этом королевстве.

Кармельцы на сей раз оказались гораздо более упорными в своем стремлении прогнать захватчиков. Немалую роль в этом сыграл принц Канди, законный наследник королевского рода Кармеля. Под его знамена стекались целые толпы народа. Восставали даже те бароны, которые, казалось, уже смирились с властью загросцев и с тем, что они больше не являются истинными хозяевами у себя на земле. Загросу пришлось изрядно напрячься, чтобы окончательно подавить сопротивление. Островная армия была измотана в хо-

де боев с восставшими, так что ее удара Несвиж и не опасался.

Беда пришла с той стороны, откуда ее не ждали. В свое время в Несвиже была создана сильная армия, заслуживающая уважения. Долгие годы никому и в голову не приходило подвергать сомнению ее боеспособность. И вот этот грозный колосс оказался прохудившимся бурдюком с гнилью, лопнувшим от первого же удара, который нанес застарелый противник Несвижа — королевство Памфия.

Возможно, Георг преувеличивал недееспособность несвижской армии. Быть может, на этот раз памфийцы просто оказались более стойкими и напористыми. А может, все дело в неумелом командовании. Думать об этом отчего-то не хотелось. В данном сражении армией командовал сам король — наверное, именно поэтому Георг и искал причину поражения в исполнителях.

Да, он не признавал родства с этим человеком, безжалостно гоня от себя подобные мысли, но они все равно возвращались. Любому сыну неприятно думать о том, что отец оказался хоть в чем-то несостоятельным, даже если тот и не подозревает о существовании отпрыска.

Армия Памфии вторглась в Несвиж со стороны графства Хемрод. Не сказать, что это явилось большой неожиданностью. Об этом стало известно примерно за неделю до перехода противником границы, но все же сведения поступили слишком поздно. На этот раз хваленая шпионская паутина барона Гатине не смогла вовремя среагировать и предупредить о надвигающейся опасности. Когда же все произошло, король сумел собрать только семитысячную армию, с которой и двинулся навстречу десяти тысячам памфийцев.

Соотношение сил само по себе говорило о необходимости вести сражение от обороны. Однако король Берард Первый резко высказался против, не допуская даже мысли о том, что его армия станет обороняться. Только наступать. Раздавить застарелого противника, перейти границу и при-

нести разор на его земли — таков был план. Никакие уговоры и доводы не смогли убедить его величество в обратном.

Место для сражения выбрали хорошее, но опять-таки смысл во всем этом был, если сначала измотать противника в оборонительном бою, а затем перейти в контратаку. В этом случае даже простейшие полевые укрепления смогли бы сыграть немалую роль. Но вместо этого армия Несвижа сама двинулась в наступление.

Вообще Берарда можно понять — подобное соотношение прежде никогда не останавливало несвижцев и они всегда выходили победителями. Но он забыл о том обстоятельстве, что славные сподвижники его отца либо уже покоились с миром, либо успели одряхлеть. Из тех, кто раньше водил в атаку полки, сейчас все так же крепок оставался только Несвижский Пес, барон Гатине, да и тот никак не мог рассматриваться в качестве военачальника. Разумеется, на смену уходящим поколениям приходили другие, молодые и полные сил, однако с уходом старой гвардии хирела и сама армия, уровень ее подготовки уже значительно уступал прежней. Почти за четверть века от былой мощи практически ничего не осталось.

Армии Памфии и Несвижа сходились на участке, исключаящем обход с флангов. Справа протекала полноводная река Гура, слева имелся глубокий овраг, протянувшийся на несколько миль. Все должно было решиться в противостоянии лицом к лицу, ни о каком маневрировании не могло быть и речи.

Дела пошли плохо с самого начала. Памфийцы сосредоточили в центре около трех тысяч лучников, вооруженных длинными луками, отличающимися дальностью. Прежде еще никто и никогда не сосредоточивал столько стрелков на таком узком направлении, и вообще подобное количество лучников было просто запредельным. За короткий срок стрелы сумели изрядно проредить ряды наступающих, а затем рыцарская конница ударила по центру. Не ска-

зять, что у памфийцев все прошло гладко, но все же им удалось прорвать ряды пехоты.

Когда в образовавшуюся брешь хлынула пехота противника, армия Берарда оказалась рассеченной надвое, а в ее тылу накапливались и приводили в порядок свои ряды памфийские рыцари, которых все же изрядно потрепало в ходе прорыва.

Рыцари Несвижа в этот момент погибали в безуспешной попытке опрокинуть правый фланг памфийцев, сосредоточивших на этом участке своих копейщиков и арбалетчиков. Последних было не особо много, но они прицельно пускали болты, нещадно разя всадников, возвышавшихся над пешими бойцами. Доспех далеко не всегда мог противостоять оперенной смерти, так что потери несвижцы несли изрядные.

Казалось, еще немного, еще чуть-чуть — и коннице удастся опрокинуть врага, к тому же пехота была уже на подходе и готовилась поддержать своих рыцарей. Но прежде чем это случилось, в спину ударила конница памфийцев, восстановившая свои боевые порядки и обогнувшая войска несвижцев сзади. Удар был куда страшнее, чем тот, что пришелся по центру.

Известие о происходящем несколько запоздало, ведь с началом сражения только находящийся в ставке командующий может охватить всю картину целиком, командиры на местах могут оценивать лишь то, что видят поблизости. Потом сказала и выучка армии, ощутимо более слабая, чем в прежние времена. Войска попросту не успели подготовиться к новому удару. Творившееся на левом фланге несвижцев иначе как бойней назвать было нельзя, большинство потерь пришлось именно на этот участок: люди гибли в полном окружении, даже не имея возможности просто бежать.

Сотня Георга находилась на правом фланге у единственного моста через реку. Наемникам предписывалось охра-

нять переправу и противодействовать врагу, если тот вздумает отправить некоторые силы в дальний обход (хотя в это никто не верил). В случае если противник будет опрокинут, они должны были его преследовать. Если же начнется отступление, то они будут прикрывать отход армии за мост, а точнее, постараются предотвратить избиение бегущих, так как отступление и бегство зачастую мало чем отличаются одно от другого.

Со своей позиции Георг прекрасно все видел. Однако его сил было явно недостаточно, чтобы помешать такому ходу событий. Ему вовсе не будоражили кровь мечты о славе, и он не намеревался губить сотню в лихой и самоубийственной атаке. К тому же абсолютно ясно, что вот-вот начнется бегство, а это означало, что Георг обязан охранять переправу и прикрывать отступающих.

Но ему не суждено было сохранить хладнокровие до конца сражения. Не менее сотни рыцарей в тяжелых доспехах отделились от основной массы и устремились к ставке короля. С Берардом в этот момент находилось около пяти десятков рыцарей, среди которых был и сын короля, кронпринц Гийом. Они имели шанс прорваться к мосту, избежав удара. Само собой, барон Гатине ни при каких обстоятельствах не мог забыть о том, кто именно прикрывает мост и какими возможностями этот человек обладает. Однако его голос остался неслышанным, и король повел всех, кто находился рядом с ним, в атаку на превосходящего противника. Чего он пытался достичь подобным образом, решительно непонятно. Практически любому, кто сумел бы обзреть поле боя с той позиции, что занимал король, стало бы очевидно: сражение проиграно вчистую и самое большее, что мог предпринять командующий, — это отдать приказ к отступлению.

Еще оставалась возможность спасти хотя бы часть войск и избежать полного разгрома. К тому же это была не вся армия Несвижа, а только та ее часть, которую удалось собрать

в тот короткий срок, что оставался до вторжения. Проигранное сражение — еще не поражение в войне. Но король решил иначе и очертя голову ринулся в бой. Ладно бы это хоть как-то могло изменить ход сражения — тогда его решение имело бы оправдание. Но в подобной ситуации...

Видя эту самоубийственную атаку, Георг без раздумий повел свою сотню в бой. Они ударили в спину памфийцам настолько неожиданно, что те молниеносно были опрокинуты. Во время этой стычки наемники не потеряли ни одного человека убитыми. Удар был настолько же неожиданным, насколько и губительным. Но эта маленькая победа уже не могла ни на что повлиять.

Войска левого фланга погибали в полном окружении. Центр оказался связан боем, сражаясь сразу на два фронта. Все же тамошний командующий сумел хоть как-то организовать противостояние, задействовав последние резервы. Правый фланг мог с минуты на минуту обрушиться, и если этого еще не произошло, то лишь по той простой причине, что на него оказывалось наименьшее давление. Уже были видны бегущие через мост несвижские солдаты: многие из них побросали оружие, а часть на бегу сбрасывала доспехи.

Сотня Георга и остатки отряда короля также направились к мосту. Как выяснилось, король не уберется в ходе этой сшибки и был тяжело ранен. Георг даже не был знаком с этим человеком, мало того — ни разу его не видел, но, когда услышал печальное известие, сердце отчего-то будто кольнуло остро отточенной иглой.

В командование вступил кронпринц. Смотреть на этого всегда миловидного молодого человека сейчас было страшно. Ярость, разочарование и боль читались на его лице, но нет и намека на отчаяние. Весь его вид словно говорит о том, что это еще не конец, что он еще вернется и припомнит сегодняшний день.

Ни на миг не усомнившись в собственных возможностях, Гийом принялся отдавать приказы. Просто удивительно,

как этот молодой человек, по сути не имевший опыта командования войсками, сумел организовать отступление. Конечно, полностью предотвратить бегство ему не удалось. Люди, охваченные страхом и отчаянием, не способны прислушаться к голосу рассудка. Пусть они трижды осознают, что бегущий с поля боя — легкая добыча для догоняющего его противника, однако страх забивает все их существо, лишая разума. Но кронпринц сумел-таки сориентировать около пяти сотен солдат, и те встали щитом между нападающим врагом и беглецами. К этой части присоединился и Георг со своей сотней.

В немалой степени помогло то, что наступающие уже расстроили свои порядки и хоть и не сразу, но вынуждены были отхлынуть, напоровшись на уступающие по численности, но находящиеся в строю войска. Сначала памфийцы понесли изрядные потери, основная доля которых была на счету наемников Георга. Восседавая на лошадях, те безнаказанно и методично расстреливали из арбалетов солдат Памфии, которые, не будучи в строю, представляли собой прекрасную мишень.

Вскоре стало очевидно, что нахрапом опрокинуть заслон не получится. Противник был вынужден оттянуть свои силы и начать перегруппировку для слаженного удара. Но когда памфийцы наконец изготовились и двинулись в атаку, несвижцы начали пятиться назад. Первыми перемахнули через мост наемники, которые тут же заняли позиции на берегу, по обе стороны от переправы. Ведя обстрел с флангов, они сумели сбить наступательный порыв атакующих и прикрыть пехоту. Памфийцы пытались задействовать лучников, но те только несли бессмысленные потери, так как наемники использовали щиты, а их соперники подобной возможности были лишены.

Последнюю точку в этом сражении поставил подожженный мост. Впрочем, вряд ли ее можно было назвать последней. С того берега все еще доносились яростные крики и

звон стали. Памфийцы добивали остатки несвижцев. Изредка к реке выбегали одиночки или небольшие группы, которые, сбросив с себя все, прыгали в воду и устремлялись к спасительной суше. Везло далеко не всем. Многие памфийцы занимались тем, что грабили трупы и добивали раненых. Часть же лучников устроила соревнование, расстреливая плывущих беглецов. Так что для воинов, которые, казалось, были в шаге от спасения, еще ничего не закончилось.

Разумеется, спасется и какая-то часть из тех, кто сейчас бьется в полном окружении, но таких будет очень мало. Хорошо, если удастся спасти хотя бы половину армии, но в подобное верится с трудом. Это поражение больше походило на полный разгром, иначе и не скажешь.

— Сотник, пятый десяток из поиска вернулся. Привели дюжину беглецов, — хлопнув правой рукой по левому плечу, доложил возникший перед Георгом десятник Виктор.

— Хорошо. Доставьте их к месту сбора, передайте капитану Бону и идите к нашим повозкам. Ужин уже готов, — приняв доклад, распорядился сотник.

— Слушаюсь!

Обоз сотни, с ее имуществом и запасом продовольствия, сохранился полностью, в отличие от обоза армии. Случилось это благодаря трусоватой натуре старшего обозника Сэма. Тот сумел убедить сотника, что особой разницы, где именно будет находиться обоз, нет, ведь сотня все равно у моста. Вот и решил Георг оставить свои повозки на правом берегу реки. Так, на всякий случай. Как оказалось, решение было верным. Сейчас только он мог похвастать тем, что его люди расположились в палатках. Впрочем, лично Георг был лишен этой возможности, поскольку свою довольно просторную палатку уступил раненому королю. Нельзя сказать, что ему удалось сберечь и все продовольствие — его попросту реквизировали по причине того, что весь провиант армии стал добычей победителей. Но хотя бы поужи-

нать его люди сумеют достойно, а там что-нибудь придумают.

Мимо прошагали усталые мужчины, которых разыскали парни из его сотни и доставили к месту сбора остатков армии. Многие из них были ранены. Трое — в доспехах и при оружии. Они шли с угрюмыми лицами, кусая губы, но весь их вид говорил о том, что с поражением они не смирились. Еще двое сохранили доспехи, но никакого оружия при них нет. Остальные одеты кто во что горазд, а точнее, полураздеты: они сбросили с себя все, что только возможно, дабы одежда не стесняла движений. Эти брели откровенно понурившись, мало чем отличаясь от каторжан, участи которых не позавидуешь. И таких сейчас — около половины из тех, кто смог выжить в том аду, что творился всего несколько часов назад.

Как только удалось сбросить преследователей, Георга вызвали к принцу. Так уж случилось, что его сотня оказалась чуть ли не единственным отрядом конницы, оставшимся в распоряжении Гийома. Поэтому сотник наряду с прочими получил приказ разослать по окрестностям разъезды, чтобы начать собирать беглецов. При встрече с организованными отрядами его людям предписывалось направлять их к месту сбора армии, предварительно узнав имя командира. Разрозненные же — сбивать в команды и под конвоем отправлять туда же. Гийому предстояло вновь собрать армию, чтобы суметь противостоять врагу.

Проводив взглядом беглецов, сопровождаемых его людьми, Георг вновь обратил взор в сторону палатки, где сейчас находился Берард Первый. Именно там недавно скрылся и барон Гатине, когда отмахнулся от сотника. Интересно, жив ли еще король? Его рана показалась Георгу смертельной. Но ведь воображение склонно дорисовывать картины в преувеличенном виде. Похоже, он опять волнуется за короля больше, чем нужно. Впрочем, пустое это дело — ведь его величество даже не знает, кто такой Георг.

В палатке от множества светильников было довольно светло, а потому бледность короля, лежащего на мягких шкурах, особенно бросалась в глаза. «Боже, как он осунулся, — промелькнула мысль, — а ведь ранили его всего несколько часов назад. Или все же целых несколько часов назад?..» Жерар бросил вопросительный взгляд на лекаря, но тот легонько покачал головой. Жаль, что мастера ни под каким предлогом не желают сопровождать армию. Возможно, будь здесь один из них, его сюзерена можно было бы спасти. Правда, этот лекарь вместе с несколькими другими науку врачевания проходил у мастера Бенедикта. Но все же эти врачеватели умели не особо много. Конечно, их знания лежат далеко за пределами знаний знахарей или иных лекарей, лечивших бедных дворян и простых людей, которым не светило пользоваться услугами мастеров, но дара они лишены.

Барон кивком головы приказал лекарю выйти и сам последовал за ним. Король по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Казалось, он без сознания. Жерар не знал, радоваться этому обстоятельству или нет.

— Как его величество?

— Боюсь, рассвета он не увидит. Эта ночь — вот и все, что ему осталось. Будь здесь даже мастер Бенедикт, сомневаюсь, что у него что-либо вышло бы. Копье пронзило короля насквозь, задев позвоночник.

— Было дело, мастер Бенедикт вытащил меня с того света.

— Не все подвластно даже им. Но будем надеяться, сила мастера все-таки поможет. Его высочество отправил гонца в Хемрод сразу после того, как короля переправили на другой берег. Мастер должен прибыть уже совсем скоро...

— Стой! Назад! — вдруг послышался голос караульного.

Поглядев в том направлении, куда был обращен взор солдата, Жерар увидел одного из оруженосцев короля, того самого, которого отправили в столицу графства. Рядом с ним стоял мужчина в годах, с бородой, щедро убеленной

седьмой. Разглядеть больше в темноте Жерар не мог, да в этом и не было необходимости. Вот он — тот, кто может явить чудо.

— Я сэра Артура, оруженосца короля, со мной мастер Гарн из Хемрода, по приказу кронпринца.

— Прошу прощения, но я должен все уточнить.

Неуверенность солдата легко объяснить. Он не имел никакого отношения к гвардии короля и заступил на этот пост впервые в жизни. Однако ждать, пока он вызовет начальника караула, который также может не знать оруженосца, просто некогда.

— Солдат, пропусти их.

Барона Гатине не знает разве что распоследний тупица. Его приказам лучше подчиняться.

— Слушаюсь, ваша милость.

Мастер проследовал в палатку один, велел оруженосцу оставаться снаружи. Палатка сотника, конечно, побольше, чем у его подчиненных, но назвать ее просторной сложно. Лекарь, извинившись, тут же скользнул следом за мастером. Ну, он-то помехой точно не будет.

Наружу эти двое вышли через полчаса, однако обрадовать барона было нечем. Мастер подтвердил прежний диагноз, уточнив, что до утра король протянет благодаря его вмешательству, а без одного преставился бы уже через пару часов. Также он заверил, что, даже окажись мастер под рукой, это ни к чему не привело бы, разве что продлило бы агонию на несколько дней. Мастера могут многое, сила их велика, но они не боги. Может, и не простые люди, но все же смертные.

— Он в сознании?

— Да. Но, на мой взгляд, было бы гуманным дать ему покой в последние часы жизни, — глядя в глаза Гатине, ответил мастер.

— Гуманность — для всех остальных, а над королями довлеет долг, даже когда они на сметном одре, — резко возразил барон. — Сэр Артур!

— Я, ваша милость! — тут же отозвался оруженосец. Его глаза, полные слез, явственно поблескивали в отсвете костров.

— Немедленно призови кронпринца. И разыщи священника, если таковой тут сыщется.

— Слушаюсь!

Барон вошел в палатку самым последним. Сначала умирающего посетили кронпринц и члены совета — те, кто находился здесь и кто выжил. Потом настала очередь священника. Он пробыл у короля не меньше часа и, вероятно, находился бы там еще дольше, если бы барон Гатине грубо его не прервал. Как видно, его величество весьма серьезно отнесся к отходу в мир иной и довольно подробно изливал душу. Жерар наткнулся на осуждающий взгляд церковника. Несомненно, тот был чрезвычайно горд тем обстоятельством, что исповедовал самого короля. Несмотря на трагичность ситуации, это его звездный час: совершивший подобное никак не мог остаться простым священником. Гатине отмахнулся от потуг святого отца даровать покой умирающему и отправил его восвояси. Велев караулу образовать периметр в десятке шагов от палатки, барон вошел вовнутрь.

— Гатине, — едва завидев вошедшего, слабым голосом пролепетал Берард Первый. — Прости... Несмотря на все твои старания, я оказался плохим королем.

— Бог вам судья, ваше величество, ибо никто из живущих не вправе осуждать короля.

— За исключением тебя.

— Я пришел не для того, чтобы упрекать вас в чем-то. Я никогда не относился к тем, кто предпочитает пинать смертельно раненного человека, неспособного постоять за себя. Все, с чем не согласен, я говорил всегда в лицо, когда вы были в полном здравии.

— К сожалению, я тебя не понял вовремя. Не понял, что значит быть настоящим королем. А теперь уже слишком

поздно. Позаботься о моем мальчике. Он куда лучше меня, хотя и с изъяном.

— Пока бьется мое сердце, ваше величество, преданнее слуги у вашего сына не будет.

— Ну вот и все... Знаешь, а ведь мне уже не терпится уйти. Она там, и она меня ждет. Иначе и быть не может, ведь мы так любили друг друга.

Нет, его величество неисправим даже перед лицом смерти! Какой-то червячок засвербел в душе, и Жерар вдруг почувствовал, что не может молчать. Да, король из Берарда вышел никудышный, но человек он хороший. А потом кто знает — может, это окажется для него радостной вестью. Хотя... Сказанное, возможно, сразу сведет его в могилу, но точно обрадует. Дьявол! Не может он промолчать. Жерар всегда был уверен, что поступил тогда правильно — этого требовали интересы королевства и он выполнял приказ короля. Но это не значит, что он никогда не испытывал чувства вины перед теми, кто стал разменной монетой в его игре. В последнее время он стал задумываться над этим все чаще. Наверное, все-таки дает о себе знать подкравшаяся старость.

— Она тебя не ждет, Берард. Изабелла не покинула этот бренный мир.

— Как?.. Что?..

Вот и все. А он-то, дурак, надеялся, что король уйдет с радостной улыбкой на устах. Вместо этого — выражение крайнего удивления и широко распахнутые глаза. «Покойся с миром», — вздохнул про себя барон. Он осенил себя святым кругом с заключенным внутри крестом и склонился, чтобы смежить веки умершего...

Господи, только бы не прознал никто!!! Жерар и представить не мог, что есть еще что-то на этом свете, способное его напугать. Он не боялся выходить против оборотня в ночном лесу, точно зная, что не может использовать оружие, потому что зверь нужен был его другу Волану для опытов. Он

охотился на волколака. Он целый год подвергался страшным пыткам. Да много чего еще, а тут... подскочить на полметра от легкого прикосновения умирающего! Оказывается, Берард вовсе не собирался отправляться в последний путь, не узнав, что именно имел в виду барон.

— погоди, Жерар... — едва слышно скорее выдохнул, чем сказал, король. — Расскажи мне все... Я умоляю...

— Если коротко, то разбойник ударил Изабеллу ножом в грудь и сбросил с обрыва. Но Господь уберег ее, она выжила. Ее спас один трактирщик. Она лишилась ума, но взамен получила дар исцелять людей, этим сейчас и занимается. Она всеми любима и почитаема, по-своему счастлива. Не смотри на меня так. Я узнал об этом совсем недавно. Прости, но я не мог тебе сказать.

— Несвиж?..

— Да, Несвиж.

— Боже, порой я думаю, что моему отцу следовало завещать корону тебе.

— Мы не всегда вольны в своих поступках. Он ни за что не хотел завещать ее твоему брату, но долг потребовал этого, и он подчинился.

— А дитя? Мой сын?

— Он тоже выжил, уже стал взрослым. Он славный малый и прекрасный боец. Наемник. Да, я поведал ему, кто он есть на самом деле, — правильно поняв немой вопрос, ответил Жерар. — Мальчик — настоящий внук своего деда. Он попросил, чтобы я оставил его при себе и приглядывал за ним, дабы никто и никогда не посмел использовать его против семьи.

— Он в твоём замке?

Спокойно смотреть на умирающего не было никаких сил. Берард беззвучно плакал, по его бледным щекам пролегли две мокрые дорожки слез...

Да что же это?! Не иначе как комок подкатил к горлу, мешая дышать и говорить. Телячья немочь! Да возьми ты себя в руки! Нельзя! Пользы от этого никакой, только вред!

— Он здесь. В этом лагере. Не проси. — Барон все же нашел в себе силы говорить твердо, никак не выказывая своих чувств.

— Несвиж, — устало вздохнул король. Но вздохнул легко — никакого намека на охватившие его эмоции, одни лишь слезы. — Он участвовал в сражении?

— Да. Это он пришел к нам на помощь во время той атаки.

— Как бы я хотел его увидеть!..

— Прости.

— Но ведь я могу призвать к себе того, кто спас если не мою жизнь, то жизнь моего сына?

— Не надо.

— Я не могу иначе. Он мой сын.

— Он может стать причиной множества бед.

— Тогда ты должен был его убить, чтобы обеспечить безопасность.

— Он принц крови.

— Когда тебя это останавливало, старина Жерар? Мой брат Гийом... Неродившееся дитя Бланки... Я знаю. Я всегда это знал. Но Изабелла...

— Мне слишком многое приписывают, Берард. Но правда в том, что я всегда стоял на страже короны и никогда не помышлял против королевского рода.

— Я должен верить?

— А зачем мне тебе врать?

Барон Гатине врал. Врал настолько самозабвенно, что сам готов был поверить в свою ложь. Иначе никак. Берард все еще при памяти и может сболтнуть лишнее. Жерар уже корил себя за то, что поддался чувствам и сообщил ему о Георге. Да и зачем это? Если Берарду так уж захочется узнать всю правду, то ему обо всем поведаст его отец, когда они встретятся в мире ином. Если встретятся, конечно.

— Действительно, врать тебе незачем, ведь я уже одной ногой в могиле. Ты не призовешь его?

— Телячья немочь! Берард, ты не можешь позволить себе слабости. Ты — король даже на смертном одре, до последнего вздоха!

— Вот ты меня и упрекнул.

— Прости.

— Как его зовут? Хотя бы имя я могу знать?

— Георг.

— Изабелла всегда любила моего отца как родного и также была любима. Оставь меня. Я хочу побыть один... Впрочем, одному побыть не получится, весть о кончине короля должна разнестись тотчас же. Позови сэра Артура, у него есть незаменимая способность, он может сидеть настолько тихо, что его не замечаешь.

Покинув палатку, Жерар направил в нее оруженосца, искать которого не пришлось. Верный вассал стоял сразу у границы караула, напротив входа, и смотрел с нескрываемой тревогой. Разумеется, ему было известно, что король уже отходит, но, как и любое любящее сердце, он надеялся на чудо.

А вот барон Гатине в чудеса давно не верил. Следовало срочно исправлять совершенную только что ошибку. Теперь это был прежний Несвижский Пес, и он не собирался потакать ничьим слабостям, ни своим, ни королевским. Лично разыскав Георга, он приказал ему отправить сотню в разъезды. По-прежнему была вероятность, что отыщется еще кто-нибудь из беглецов. Сам сотник возглавил один из разъездов, нечего ему здесь делать.

Едва наемники покинули лагерь, как к их стоянке подошел оруженосец короля, сэр Артур. Эх, Берард, Берард, с кем ты хотел тягаться по части хитрости! Прости, но видеть парня тебе незачем. Остается надеяться, что умирающему королю достанет благоразумия не объявить об этом во всеулышание.

И тут Жерар покрылся испариной. Проклятье! Он может! Он уже однажды это проделал, наплевав на интересы

королевства! Тогда король провозгласил, что признает ребенка, которого вынашивает его любовница Бланка. Пренебрежение королевой в те дни едва не стоило Несвижу потери графства Бесфан, являвшегося, по сути, самостоятельным, но связанным с королевством договором и кровными узами, ведь жена Берарда была графиней Бесфан. Ах он старый болван! Как можно было поддаться чувствам в такой момент!

Жерар буквально ворвался в палатку короля, выгнав наружу и лекаря, и оруженосца, вернувшегося с докладом о том, что разыскиваемый им наемник в настоящий момент отсутствует. В Берарда уперся строгий, осуждающий взгляд. Плевать, что тот при смерти, плевать, что он король. Телячья немочь!

— Решил поиграть в игры, Берард? — сквозь зубы прошипел Жерар.

Потом его взгляд скользнул по палатке и выхватил те предметы, которых тут до этого не было. Писчие принадлежности. Вот, значит, как... Выходит, догадка Жерара оказалась верна.

— Я все еще король, — слабым голосом попытался урезонить подданного Берард.

— Так будь им, тряпка!

— Как ты...

— Смею, — жестко перебил его Жерар. — Ты хотя бы понимаешь, что может случиться после того, как ты объявишь о существовании сына? Георг — твой старший и законно-рожденный сын. Ты понимаешь, что это значит? Ты своими руками превратишь братьев в злейших врагов.

— Но...

— Никаких «но».

Наверное, вести себя подобным образом у постели умирающего жестоко, однако слишком многое поставлено на кон, чтобы снова поддаться эмоциям. В конце концов, одним грехом меньше, одним больше — какая разница. Един-

ственное, о чем Жерар сожалел, так это о своей слабости, проявленной сегодня.

— Прости, старина. Я сам не знаю, что творю, — проговорил Берард.

Хотя барон намеревался оставаться с королем до конца, чтобы предотвратить любое безрассудство с его стороны, осуществиться этим желаниям было не суждено. Да, король при смерти, но жизнь продолжается. Дела королевства требовали присутствия барона Гатине на военном совете, который собирал кронпринц и о чем известил его посыльный. Ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться и покинуть палатку, уповая на волю Господа и остатки благоразумия того, кто за свою жизнь наделал достаточно глупостей.

Как и ожидалось, совет собрался не в шатре, который стал добычей памфийцев, а под открытым небом, у векового дуба. Сюда явились все, кто имел отношение к командованию остатками армии. Присутствовали и новые лица. Не в том смысле новые, что барон их не знал, просто раньше они не могли и помыслить о том, что окажутся на королевском совете. Состоявшееся сражение и понесенные потери внесли в жизнь свои коррективы. Были и те, кто относился к приближенным кронпринца, их статус начал расти на глазах, так как любой монарх предпочитает окружать себя своими ближайшими сподвижниками. Но Жерар по этому поводу был абсолютно спокоен: Гийом окружал себя не столько знатными, сколько перспективными личностями. Для этих молодых людей пришла пора сдавать экзамен на зрелость. Что ж, удачи.

— Теперь все в сборе, — заметив подходящего барона, произнес Гийом, но все-таки не удержался: — Как король?

— Без изменений, ваше высочество.

— Ясно. Начнем. Итак, ситуация следующая. На данный момент наши силы насчитывают две тысячи семьсот чело-

век. Конные разъезды все еще продолжают собирать остатки разбежавшихся, но сомнительно, что цифра претерпит большие изменения. Значит, будем исходить из текущего положения вещей. Плюс к этому мы имеем пять сотен непосредственно в Хемроде. Прямо скажем, мало.

— Ваше высочество забывает, что половина из собранных здесь без оружия, а большинство из этой половины — и без доспехов. К тому же нужно помнить о том, что после поражения боевой дух армии, мягко говоря, не на высоте. Так что я бы оценил количество войска не как «мало», а как «ничтожно мало», — покачал головой граф Камбре, на голове которого красовалась повязка с бордовым пятном запекшейся крови. Именно он командовал войсками в центре, и благодаря его стараниям и таланту удалось предотвратить обрушение остатков войск в центре, а также всего правого фланга. Весьма дельный военачальник. Если бы король доверил руководство битвой ему, то он бы ни за что не вел сражение столь бездумно и неосмотрительно. Ну да чего теперь-то.

— Это так, — согласился Гийом. — Исходя из этого и будем принимать решение. Прошу высказываться.

— Если позволите, я начну.

— Говорите, граф Камбре.

— Считаю, что необходимо сосредоточить все наличные силы в Хемроде. Городской совет и тамошний королевский наместник не зря едят свой хлеб. Город готов к осаде. Правда, есть и куда лучшие укрепления, но хемродское находится в должном состоянии. Более трех тысяч солдат, даже если некоторые из них здорово подавлены, вполне способны удержать город. К тому же в оружейной найдется все необходимое, чтобы восполнить потери вооружения и снарядить ополчение. Памфийцы не смогут оставить у себя за спиной такой укрепленный пункт. Оборона Хемрода сильно задержит их и нанесет потери. Мы получим возможность подтянуть ту часть армии, которую не успели задей-

ствовать из-за спешки, а также собрать баронское ополчение.

— Я согласен с графом, — поддержал графа виконт Водемон, командовавший войсками своего отца, который не имел возможности сделать это лично ввиду преклонного возраста. — Конечно, памфийцы также собрали не все свои силы, стремясь нанести внезапный удар, но думаю, что с этим у них возникнут кое-какие трудности. На слишком уж большое подкрепление им рассчитывать не приходится. Не будем сбрасывать со счетов Бесфан. Даже если ополчение графства не ударит по Памфии, одно его наличие заставит короля Джефа поумерить свой пыл.

— Что думает барон Гатине?

— При всем уважении, ваше высочество, мне кажется, ему следовало думать раньше, до начала военных действий, — с нескрываемой иронией произнес барон Кале, один из молодых сподвижников принца. — Теперь слово не за ним, а за генералами.

Жерар и не подумал обижаться на молодого человека. Серьезных причин для этого нет. Еще вчера барон Кале был одним из свиты принца и ничто не указывало на то, что Гийом уже к сегодняшнему утру окажется королем, а сам молодой человек, соответственно, особой, приближенной к монарху, его доверенным лицом. Ясное дело, в нем сейчас говорили молодость и горячность. Кто в свои двадцать с небольшим не пребывает в уверенности, будто до него никто не знал, как именно следует поступать? Вот сейчас он всех научит, как именно все должно быть. «Ничего-то ты не знаешь, бедолага Кале, — усмехнулся про себя барон. — Ты пока еще не на вершине, а только готовишься сдать экзамен на преданность и завоевать право именоваться советником и сподвижником короля».

Принц и не думал поддерживать молодого барона — он продолжал внимательно смотреть на Жерара. Раздалось еще несколько реплик в духе той, что была брошена Кале.

Благо высказывались такие же молодые люди — это вселяло надежду, что все не так плохо, как кажется. Гийом и на эти слова никак не отреагировал. Он ждал, когда заговорит тот, чье мнение для него действительно было важно. Только закоснелый солдафон или восторженный юнец могут считать, что войны выигрываются лишь на поле сражения.

— Если исходить из количества воинов, а также принять в расчет верность Хемрода сюзерену и союзническому договору, граф Камбре прав, — перестав наконец испытывать терпение кронпринца, заговорил барон Гатине. — Но, к сожалению, вынужден заметить, что он ошибается, поскольку исходит не из тех предпосылок. При всем уважении, ваша светлость.

— Я только высказал свое мнение, — пожал плечами граф.

— И оно было бы верным, если бы не некоторые обстоятельства. Итак... Король Джеф тайно выводит армию к границе с нами. Он не собирает ополчение, он не использует дополнительные войска, а наносит удар лишь половиной своих наличных сил. На что он рассчитывает?

— На внезапность атаки, — тут же подал голос барон Кале.

— Правильно. Но с такими силами взять Хемрод с ходу практически нереально. На момент вторжения там находился тысячный гарнизон плюс ополчение. Джеф был бы вынужден начать планомерную осаду, подтягивая осадное снаряжение и подкрепления. Столица графства — довольно большой город с населением пятнадцать тысяч человек. Прибавьте сюда крестьян из окрестностей. Вспомните о том, что за спиной у него остается наш верный союзник Бесфан. У меня вопрос. Король Джеф — идиот? Не утруждайте себя ответом. Он весьма прозорливый правитель и хороший полководец. Вынужден признать, что немногим удавалось обвести меня вокруг пальца, но, похоже, ему это удалось, как и бесфанским баронам.

Все так и есть. Вынужденный слишком много сил и времени уделять внутригосударственным интригам, а также

Кармелю, Жерар несколько ослабил бдительность по отношению к соседям. Теперь приходится пожинать плоды. В немалой степени вина за случившееся лежала и на умирающем короле, но все время вспоминать об этом и искать оправдание самому себе — удел слабых. Сильные признают свои ошибки, думают над тем, как исправить положение, и идут дальше.

— Ситуация такова, — нахмурился барон Гатине. — Король Джеф использовал уже давно зревшее недовольство среди баронов Бесфана. Склонить их на свою сторону и убедить выступить вместе с ним Джефу не удалось, зато удалось заручиться их нейтралитетом. Можете не сомневаться: если мы проиграем эту войну, Бесфан будет потерян окончательно, даже если королева вернется на родину и возглавит графство.

Он не стал заострять внимание на том, что подобное стало возможным благодаря бездумным действиям Берарда Первого. Нет необходимости — умный поймет сам, а дуракам объяснять бесполезно.

— Выходит, союзников в этой войне у нас нет и не будет, — продолжал барон. — Теперь что касается Хемрода. Разумеется, памфийцы рассчитывают его захватить, и это у них вполне получится. Графство присоединено чуть больше двух десятков лет назад, более половины его населения — памфийцы, к тому же далеко не все, кто жил при прежней власти, отошли в мир иной. Многие из молодых людей, живших в прежнем Хемроде, вступили в зрелый возраст и еще отнюдь не старцы. Стоит ли так уж сильно рассчитывать на городское ополчение? Половина городского совета также досталась нам в наследство, как и часть стражников, все еще остающихся на службе. Если мы решим оборонять город, то на полноценную помощь горожан рассчитывать не приходится, скорее уж следует ждать удара в спину. Оборона стен обойдется хемродцам очень дорого, к тому же память о последнем таком событии еще не

стерлась из сознания людей. За эти годы королевской власти удалось сделать немало, но, чтобы окончательно заполучить преданность горожан, этого было явно недостаточно.

— Вы многое сказали, но я не услышал никаких предложений, — вновь заговорил граф Камбре.

— Боюсь, они не понравятся совету.

— Говорите, барон. — Принц был серьезен и сосредоточен, ведь кому, как не барону Гатине, знать о царящих настроениях и в Хемроде, и в сопредельных государствах.

— Я предлагаю оставить Хемрод. Вывезти весь арсенал, чтобы вооружить наших беглецов. Отвести войска. В этом случае мы получим более трех тысяч солдат, которых я предлагаю расположить в замках Карсон, Кане и Кубель. Это настоящие крепости. Остальные в расчет принимать не стоит, ни один из них не выдержит серьезного штурма. Чтобы осадить все три замка, королю Джефу понадобится больше сил, чем для осады одного только Хемрода. Оставить без внимания столь серьезные гарнизоны он никак не сможет.

— Вы предлагаете без боя оставить половину графства? — вновь подал голос виконт Водемон.

— Зато гарантированно удержать вторую половину. Графству Гиннегау надлежит изготавиться к обороне по старой границе, благо приграничные замки еще не успели слишком обветшать. Таким образом, нам удастся серьезно задержать наступление памфийцев. Разумеется, если гарнизоны замков будут достаточно упорны в своем сопротивлении. Вот только держаться им придется долго, очень долго. Подозреваю, что Загрос постарается воспользоваться ситуацией и атаковать графство Кинол. Так что сначала нужно будет решить эту проблему.

— Война на два фронта, — задумчиво проговорил принц. Тут есть отчего впасть в уныние. Прежняя ситуация была, конечно, тяжелой, но несмертельной, а вот теперь, похоже, тучи сгущаются, предвещая настоящую грозу.

— Загросцы не распустили легионы после подавления мятежа в Кармеле. Это нетипично для них. Совет очень нервно относится к большим армиям, находящимся под командованием популярных в народе полководцев. Им все время мерещится призрак короля, восседающего на престоле Загроса. Генерал Варен — не просто превосходный полководец, он еще и пользуется любовью народа. Оставлять под командованием такого человека серьезные силы для загросцев очень неразумно. Значит, на то есть причина, и она вовсе не в том, что в Кармеле все еще не утихли отголоски восстания. В этом плане там тишина, а уж после казни принца Канди... Загросцы уже давно облизываются на кинолские рудники, и сейчас момент весьма удачный.

— Ваше высочество... Господа... — Перед советом предстал молодой оруженосец короля, легким кивком головы поприветствовав собравшихся.

По его виду можно было без труда понять, что именно он хочет сообщить и отчего взял на себя смелость без приглашения заявиться на заседание совета.

«Как же так? Ведь мастер заявил, что Берард протянет до утра...» — Задумавшийся было над этим Жерар тут же себя одернул. Ничего удивительного. Странно, что тот вообще протянул дольше часа после пережитого волнения.

— Король умер, — выдержав положенную паузу, возвестил молодой человек.

Боже, все не так! Не так все должно происходить. Не может этот оруженосец возвещать подобную весть. Не в таком окружении должен уходить монарх. Но жизнь вносит свои коррективы, в том числе и на ритуалы.

— Да здравствует король!!! — тут же взревели все присутствующие, оглашая окрестности и возвещая всем о случившемся. Да, один король ушел, но род несвижских правителей все еще на престоле, а значит, не все потеряно.

Несмотря на полученное известие, Гийом и не подумал завершать совещание. Времени слишком мало, а вопросов

слишком много, и каждый из них по важности можно поместить во главу списка. Только когда последнее мнение было высказано, когда были приняты окончательные решения, отданы все распоряжения и направлены гонцы, молодой и пока еще не коронованный король отправился к палатке, где покоилось тело его отца. Вот, еще и это. Необходимо отправить эскорт с телом покойного в Несвиж. Удастся ли Гийому принять участие в похоронах? Вряд ли. Настали тяжелые времена.

Сзади раздался легкий шорох. Обернувшийся на шум Гийом увидел вошедшего барона Гатине. Это был единственный человек, которого он хотел видеть. У него имелся свой круг приближенных. Опираясь на их плечи, он намеревался править. Вот только им еще предстоит многому научиться, доказать свою преданность и способность принести пользу, а потому служить поддержкой они пока не способны. Сейчас молодой король мог по-настоящему опереться лишь на старую гвардию, в первую очередь на барона Гатине. А может, все дело в том, что он искренне любил этого сурового человека, положившего на алтарь королевства всю свою жизнь без остатка. Этого человека он от чистого сердца называл дядюшкой, хотя ни о каких кровных узах не было и речи.

— Он так тихо ушел, дядюшка. Взгляни на него — по-моему, перед смертью он даже улыбался. Видишь?

— Вижу, ваше величество.

— Странно. Тут такое творится... А он улыбается так, словно умер не в поле после проигранного сражения, а в дворцовой спальне, достойно завершив все свои дела.

— Всегда остается что-то незавершенное, всего не успеть. Думаю, он ушел без тревоги, ясно осознавая, что успел подготовить себе смену, что вы достаточно повзрослели и окрепли, чтобы справиться со всеми невзгодами. Это великолепно проявилось там, у моста.

— Мы справимся, дядюшка? — невольно поежившись, спросил молодой человек, все так же глядя на тело отца.

— Мы обязаны это сделать. И мы это сделаем.

Гийом склонился над небольшим ящичком, служившим походным секретером, в котором обычно хранятся писчие принадлежности.

— Что это?

Поверх ящичка лежал лист исписанного пергамента. Быстро пробежав взглядом текст, молодой король удивленно воззрился на барона:

— Что это значит?

— Я бы ответил на этот вопрос, если бы был знаком с текстом, — едва сдерживаясь и с трудом сохраняя самообладание, ответил барон Гатине, борясь с желанием вырвать пергамент из рук молодого короля.

— Прочти.

Ну, слава богу. Не сказать, что Жерар одобрял поступок Берарда, но хорошо хоть у того хватило остатков мудрости не обнародовать то, что стало ему известно. Интересно, куда отправилась сегодня ночевать мудрость самого Жерара? Учудить подобное мог только глупый и восторженный юнец, а не такой старый лис, как он.

— Судя по всему, своей последней волей Берард Первый возвел в рыцарское звание командира наемников и даровал ему баронский титул. Своими действиями этот отважный воин спас и вас, и вашу свиту.

— Думать об этом, когда твой час уже пробил? Ты не находишь это странным?

— Наверное, ему просто нечем было заняться в ожидании конца, и он решил таким образом скоротать время.

— Дядюшка, ты сейчас сам себя слышишь?

— Если помните, я был в схожей ситуации. Поверьте, в этот момент можно думать о чем угодно. Например, о шлюхах. Что вы на меня так смотрите? Ну да, было дело. А что мне еще оставалось? Жалеть себя и горевать о своей незавидной доле?

— Барон Авене... Ты понимаешь, что это значит?

— Господи, да ничего это не значит! Захотел его величество отблагодарить лихого наемника, вот и решил даровать ему баронский титул. Хотя по мне, так и рыцарская цепь — уже весьма щедрая награда для выходца из народа.

— Но он решил одарить его и титулом.

— Я и говорю, что это слишком.

— Это один из титулов несвижских королей.

— Берард был в таком состоянии... Ничего удивительного, что он выбрал титул, который первым пришел на память, ведь секретаря под рукой нет и разум затуманен. И вообще об этом документе никто не знает, убедить оруженосца не составит никакого труда, так что давайте пергамент сюда.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Донести до ближайшего костра. Тут недалеко, всего-то полторы дюжины шагов.

— Нет.

— Почему?

— Это последняя воля моего отца.

— Да пожалуйста. Раз уж и вы хотите быть таким щедрым, даруйте ему другой титул. Найдется и звание, и свободные земли — да хоть в том же графстве Хемрод, благо сотник отсюда и родом.

— Нет. Отец за свою жизнь совершил достаточно глупостей. Очевидно, покинуть этот свет он тоже не сумел как подобает монарху. Но в любом случае я уважаю его последнюю волю. Пусть будет как оно есть. Правда, боюсь, приобретение так себе, баронство сейчас в полном упадке.

— Тогда тем более имеется причина одарить парня чем-нибудь поценнее, нежели подобное захоlustье.

— Я исполню последнюю волю отца. Этот наемник в лагере?

— Не знаю. Возможно, вернулся уже. Они все в разъездах, собирают беглецов.

— Кстати, а что ты имел в виду, говоря о неприятном сюрпризе, который мы можем преподнести памфийцам?

— Вы не поверите, но я имел в виду именно этого наемника, Георга... Хм... Я хотел сказать, сэра Георга, барона Авене. Разумеется, вместе с его отрядом. Дело в том, что во время восстания в Кармеле ему удалось наделать столько шума, что на его поиски бросили немалую часть войск, это и предопределило исход первого победного сражения принца Канди.

— Отчего же ты не сказал об этом на совете?

— Не нужно никому знать о том, что в тылу у памфийцев будет всего сотня наемников. Поверьте, он сумеет сделать так, чтобы король Джеф гонялся за тысячей. А еще окружающим не следует знать и о том, что здесь орудует именно он. В Хемроде проживает его матушка, которую он почитает больше всего на свете. Если станет известно о нем, то... Парень предан короне, но еще больше предан своей матушке, я даже боюсь предположить, на что он решится, если с ней что-то случится.

— Так пусть он ее вывезет. Конечно, Авене — не то место, куда можно отправить близких, но уж пристроить ее на время где-то еще ему по силам.

— Не может он этого сделать. Не поедет она никуда. Ваше величество, здесь все очень сложно. Просто поверьте мне, так будет лучше.

— Хорошо, дядюшка. Я тебе верю.

— Давайте грамоту, я ее передам ему.

— Нет. Как только Георг вернется, представь его мне. Я лично оглашу документ и в присутствии совета посвящу его в рыцари. К тому же я ведь должен знать, кому теперь принадлежит это имя.

— Слушаюсь.

Георг вернулся на рассвете, как и остальные десятки его сотни. Люди были измотаны до последней стадии. От обильного ужина остались лишь воспоминания, а о завтраке приходилось только мечтать, так как все продовольствие

было реквизировано. Правда, десятку Виктора удалось подстрелить оленя, неосторожно повстречавшегося на их пути. Но и тут вышла незадача. Туша благородного красавца благополучно миновала их котлы и отправилась напрямик на вертел неподалеку от ставки молодого короля.

По возвращении Георг узнал о том, что Берард Первый умер. Он искренне прислушивался к своим ощущениям, но, как ни силился, не смог ничего почувствовать. Ни горечи утраты, ни жалости. Он как будто даже и не расстроился. Просто воспринял информацию и остался самим собой, полностью отдавшись заботе о своих людях. Парней нужно накормить. Остро этот вопрос пока не стоял, но провиант — такое дело, пренебрегать которым не следует.

Однако и этот вопрос пришлось отложить в сторону: совсем скоро Георга вызвали к его величеству. Он совершенно спокойно выслушал речь молодого короля. Столь же равнодушно прошел через спешный ритуал посвящения в рыцари, будничным тоном дал вассальную клятву новоявленного барона. Все это время он думал о чем угодно, только не о происходящем вокруг.

В себя он пришел, когда торжественная церемония подошла к концу и о нем тотчас все позабыли (или сделали вид, что позабыли). В этот момент молодого рыцаря окликнул барон Гатине. Едва взглянув на него, Георг сразу обратил внимание, что тот сильно осунулся за ночь и будто постарел. Всегда бодрый мужчина в годах, сейчас барон выглядел на свой истинный возраст.

— Ну как, барон Авене, что ты чувствуешь?

— Что пять минут назад меня здорово надули.

— Отчего же?

— Не дать вассальную клятву, будучи новоиспеченным бароном, я не мог, но едва я это сделал, как перешел в иное качество. Из наемника сразу превратился в вассала, а им, насколько мне известно, не платят. Наоборот, сражаться за своего сюзерена — это их долг.

— Как и долг сюзерена — сражаться за них.

— Ну и зачем мне это нужно? Зачем это нужно моим парням?

— Тебе не угодишь. Между прочим, тебе только что даровали не только титул, но и баронство. Это реальная земля. Правда, владения сейчас пребывают в некотором запустении, но это дело поправимое. Главное, что у тебя теперь есть дом.

— Пока у меня не было дома, я был куда более состоятельным, чем теперь, когда он у меня появился.

— Все относительно. Кстати, договор с тобой был заключен раньше и все его условия сохраняются до той поры, пока он не будет разорван приказом короля. Так что, можно сказать, для тебя пока ничего не поменялось. А вот после войны твой статус действительно изменится. И лишь от тебя зависит, каким будет твой дом — останется захолустьем или начнет процветать. С этим все?

— Пока все.

— Вот и ладно.

— Барон, он... — Георг запнулся, не зная, как спросить о том, что вдруг ни с того ни с сего стало для него важным.

— Он умер, зная о тебе. — Жерар прекрасно понял, что именно взволновало новоиспеченного барона Авене. — Он хотел тебя видеть и даже приказал мне призвать тебя. Но вместо этого я усладил тебя в разъезд. Не смотри на меня так, мой мальчик. Я не мог поступить иначе, и повторись ситуация снова — поступил бы так же. Я уговаривал его ничего не предпринимать, но он поступил по-своему. Последнее, что он сделал, покидая этот бранный мир, — составил ту грамоту, что вручил тебе Гийом. Его последние мысли были о тебе и твоей матушке, его возлюбленной Изабелле, которую он искренне любил до последнего вздоха. Прости меня, если сможешь.

— А если не смогу? — отчего-то севшим голосом спросил Георг.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАЖ	7
БОЕЦ	321